

Минобрнауки России
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»

(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)

СЛОВО И ТЕКСТ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Сборник материалов Всероссийской научной
конференции студентов и аспирантов
(Сыктывкар, 17 апреля 2015 г.)

Текстовое научное электронное издание на компакт-диске

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2015

ISBN 978-5-906810-04-5

© ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима
Сорокина», 2015

© Оформление. Издательство СГУ
им. Питирима Сорокина

[Титул](#)

[Об издании](#)

[Производственно-технические
сведения](#)

[Содержание](#)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителей</i>	6
<i>Литература и фольклор: актуальные вопросы изучения</i>	7
<i>Агишева М.В.</i> Мотив невыразимого в лирике В.А. Жуковского и Ф.И. Тютчева.....	7
<i>Акулова А.П.</i> Жанровый аспект именованя святого в фольклорной традиции (на примере текстов о Николае Чудотворце).....	9
<i>Бровкина Т.В.</i> Пражский список повести о происхождении табака... ..	11
<i>Витязева К.А.</i> Проложные тексты в составе печорских рукописных сборников.....	13
<i>Габб Е.А.</i> Поэтический хронотоп Марины Цветаевой.....	15
<i>Дементьева А.А.</i> Слово как «потерянный бриллиант» в творчестве А.М. Ремизова.....	17
<i>Касумова С.Н.</i> Трансформация образов героев переводных рыцарских романов XVII в. в произведениях "народной" литературы первой половины XIX века.....	19
<i>Клабукова Ю.В.</i> Аутизм и коммуникативность как выражение русской ментальности в русской литературе.....	21
<i>Коробко М.А.</i> Пейринг в фанфикшн: закономерности использования (на материале фандомов «Шерлок», «Мерлин», «Сверхъестественное»).....	23
<i>Крюков А.А.</i> Юрий Фельзен в зеркале критики русского зарубежья..	27
<i>Куликова Е.И.</i> Проблемы изучения сюжета «Казанской истории»... ..	30
<i>Кучеренко И.И.</i> Роман Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов»: проблемы изучения.....	32
<i>Леготина Ю.В.</i> Мифологема пути в русской лирике второй половины XIX века.....	34
<i>Логинова С.В.</i> Изображение трудовой деятельности в коми пословицах и поговорках.....	36
<i>Лыткина И.С.</i> Житие Варвары как тип жития великомученицы.....	37
<i>Мануилова А.А.</i> Печорский список «Жития Василия Нового».....	39
<i>Михеева Е.А.</i> К проблеме генезиса жанра литературной сказки.....	41
<i>Морозова Т.Н.</i> Новые материалы к промысловому календарю Зимнего берега Белого моря.....	43
<i>Тубылевич Р.Е.</i> Эволюция женских образов в воинском повествовании XVI–XVII в. в произведениях Куликовского цикла и «Сказании о Мамаеве воинстве».....	48

Шабалина И.А. Восприятие России второй половины XX века в творчестве Евгения Евтушенко.....	49
Шибанова А.Н. О художественном своеобразии романа Р. Зотова «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона».....	51
Язык и речь: актуальные вопросы изучения	54
Грумеза Ю.В. Анализ путей обогащения лексического состава современного французского молодежного языка (<i>langue des cités</i>) на основе текстов современной рэп-поэзии.....	54
Касеева Е.А. Глаголы с общим значением ‘умереть’ в усть-цилемских похоронно-поминальных причитаниях: лексикографический аспект.....	57
Конакова О.С. Семантическое поле «зеленый цвет» в русском языке	60
Лихачева А.А. Лексико-фразеологические взаимосвязи в сфере синонимии русского языка.....	63
Мальцева М.В. Неофициальные урбанонимы г. Сыктывкара.....	65
Нерадовская Е.А. Лексико-семантическая группа «Наименования лиц по характеру речи» в говоре с. Лойма Прилузского района Республики Коми.....	67
Парфенова А.А. Синее небо – темное или светлое: цвет неба в представлении славян и финно-угров.....	69
Попова Е.А. Лексикографическое и психолингвистическое значение наименований животных и птиц.....	71
Сергеева К.Н. Семантический объем слова <i>тёплый</i> как отражение русской языковой картины мира.....	73
Старцева А.Н. Человек в зеркале устойчивого сравнения.....	76
Филиппова А.С. Ненецкие заимствования в ижемском диалекте коми языка.....	78
Хатанзейская Л.И. Значимость диалектизмов в романе Я.М. Рочева «Два друга».....	79
Ширяева С.А. Судьба слова « <i>наопако</i> » в русском языке.....	81
Шумахер А.С. Образ родины в языковом сознании русских немцев (опыт гештальт-описания).....	83
Современная медиасфера: актуальные вопросы изучения	87
Безносикова А.Р. Трансформация новости в различных медиасферах: информационно-сервисный портал КомиОнлайн и его паблик в социальной сети «ВКонтакте».....	87

Венцовская А.М. Интернет как альтернативное медиа (на примере СМИ Республики Коми).....	88
Димова Ю.В. Проблемы привлечения аудитории к новостному аналитическому продукту в региональной телевизионной медиасфере на примере программы «Точка зрения» (г. Киров), победителя «ТЭФИ-Регион» – 2014	90
Ивина Е.С. Функции эвфемизмов в региональных средствах массовой информации.....	92
Исакова В.А. Блог как средство массовой информации в России: история становления, проблематика, жанровые и стилевые особенности.....	94
Квачадзе Т.Г. Анализ новых слов в современных СМИ.....	95
Липина В.А. Жаргон журналистов (на материале СМИ Республики Коми).....	97
Моглибеева Н.И. Спортивная тематика в СМИ Республики Коми... ..	99
Плоскова Н.С. Жанровое своеобразие радиовещания (на материале радиостанции «Европа плюс Коми» в Сыктывкаре).....	100
Разманова О.А. Суеверия журналистов как явление постфольклора (на материале СМИ Республики Коми).....	102
Романова П.О. Язык рекламных текстов, адресованных молодежи (на материале ежемесячного молодежного журнала «ЮУ»).....	103
Торопова А.К. Приемы эффективности наружной социальной рекламы в г. Сыктывкаре.....	105
Хайрова А.С. Интервью как жанр региональной прессы (на примере сыктывкарской газеты «Красное знамя».....	106
Преподавание языка и литературы: актуальные проблемы	108
Армашенко Ю.А. Преподавание литературы в школе в условиях модернизации образования (на примере школ г. Сыктывкара).....	108
Кожевникова Е.А. Воспитание культуры чтения на примере творчества братьев Стругацких.....	110
Фомина Е.И. Обучение реферированию на немецком языке в старших классах профильного уровня.....	113
Сведения об авторах	115

Титул	Об издании	Производственно-технические сведения	Содержание
-------	------------	--------------------------------------	------------

От составителей

В сборнике представлены доклады участников Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов «Слово и текст: актуальные проблемы современной филологии», проходившей в Институте гуманитарных наук Сыктывкарского госуниверситета 17 апреля 2015 г.

В работе конференции приняли участие молодые исследователи из Сыктывкара, Москвы, Екатеринбурга, Вологды, Костромы, Уфы, Орла, Кирова, Северодвинска. Были сделаны 57 докладов на четырех секциях: «Русская литература и фольклор: актуальные вопросы изучения», «Язык и речь: актуальные вопросы изучения», «Современная медиасфера: актуальные вопросы изучения», «Преподавание языка и литературы: актуальные проблемы».

Студенты и аспиранты поделились результатами научных изысканий в разных областях филологических знаний, обсудили актуальные проблемы изучения фольклора и фольклорных текстов, современных и древних художественных текстов, функционирования слов в литературной и диалектной речи, а также актуальные в современной науке вопросы отражения в языке народной картины мира. В центре внимания были и проблемы современной коммуникации на разных языках и в разных социальных условиях, были рассмотрены вопросы, связанные с журналистской деятельностью, спецификой современных массмедиа. Поднимались на конференции и вопросы преподавания литературы и языков, родного и иностранного.

Доклады были представлены в разных формах – секционные устные выступления и стендовые, с которыми участники могли ознакомиться в письменном виде. Доклады вызвали живой интерес у слушателей и сопровождалась обсуждением, что может свидетельствовать не только о высоком уровне подготовки выступающих, но и об актуальности обсуждаемых во время секционных заседаний тем.

ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ

М.В. Агишева

*Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина*

Мотив невыразимого в лирике В.А. Жуковского и Ф.И. Тютчева

Элегический отрывок В.А. Жуковского «Невыразимое» положил начало заметной традиции в русской романтической поэзии. Идея ограниченных возможностей слова звучит и в лирике Ф.И. Тютчева, однако смысловое наполнение и художественная реализация данного мотива у авторов различны.

В лирике В.А. Жуковского мотив невыразимого определяется характером романтического двоемирия: религиозного противопоставления «неба» и «земли», «здесь» и «там», мистическим чувством присутствия бесконечного в конечном. В природе лирический герой В.А. Жуковского видит присутствие тайной жизни, «душу незримую», вступающую в контакт с его душой («Славянка»). Перед поэтом встает проблема изобразимости / выразимости этого начала.

В поэзии В.А. Жуковского прослеживаются два пути решения этой проблемы. Первый – изобразительный: в стихах появляются образы, являющиеся знаками таинственного мира (ангел, гений, цвет завета, Лалла Рук). Но они предстают как посредники между «здесь» и «там», приоткрывающие завесу над тайной, но не решающие проблему изображения «незримого» мира. Поэтому возникает второй путь – не изображение, а выражение. И здесь встает проблема возможностей слова. Г.А. Гуковский, Ю.В. Манн отмечают внутреннюю противоречивость движения лирической мысли

в отрывке «Невыразимое»: постулирование принципиальной невыразимости сокровенного мира и стремление к его выражению.

Решением проблемы выражения невыразимого становится выработка суггестивного стиля. То, что невозможно выразить словом, можно внушить читателю через помещение слова в такую ритмико--синтаксическую конструкцию, где его изначальное словарное значение, привычное для читателя, ослабляется, а выступают дополнительные оттенки значения, ощутимые только в данном контексте (В.С. Баевский). Таким образом, финальное утверждение стихотворения «И лишь молчание понятно говорит» входит, на первый взгляд, в противоречие с самим текстом, поскольку в нем воплощен особый язык для выражения невыразимого. Но в контексте стихотворения и «молчание» воспринимается не как отсутствие слова, а как «предельное ощущение полноты и невозможности ее выразить, к которой, однако, возможно максимальное приближение» (Г.М. Фриндлендер).

Преемственно связано с «Невыразимым» В.А. Жуковского стихотворение Ф.И. Тютчева «Silentium!», однако здесь присутствует не констатация «идеи» молчания как такового, а настоятельное требование: «Молчи, скрывайся и таи И чувства и мечты свои». Кроме того, сфера невыразимого у Тютчева – не таинственный иномир, а внутренний мир человека, его душа. У Тютчева на первый план выходит не романтическая оппозиция конечного и бесконечного, как у Жуковского, а внешнего и внутреннего, где внутренний мир предстает в качестве самодостаточного идеала.

Но требование молчания не снимает проблему выражения внутреннего мира. Вслед за Жуковским Тютчев использует «слово намек», излучающее «загадочное свечение не вполне раскрытых... смысловых глубин» благодаря чему «образ выглядит многозначительнее высказывания» (В.А. Грехнев). Смыслы, не раскрывающиеся вполне в отдельном поэтическом высказывании, становятся очевидными в контексте художественного мифа, создающегося в тютчевском творчестве.

Жанровый аспект именованя Святого в фольклорной традиции (на примере текстов о Николае Чудотворце)

Имена собственные с давних пор привлекали внимание исследователей. Ученых интересовала история их возникновения, значение и смысл, связь с историей общества, мировоззрением и верованиями людей. В настоящее время интерес к ономастике, и в частности, антропонимике, значительно возрос, тем не менее, многие проблемы, на наш взгляд, еще нуждаются в серьезной научной рефлексии. Одна из них – судьба имен христианских святых, вошедших в устную фольклорную культуру в качестве персонажей легенд, заговоров, духовных стихов, сказок, календарных обрядовых песен, примет и др. В докладе мы попытаемся ответить на вопрос: зависит ли фольклорная трансформация прецедентного христианского имени от жанрового формата текста, в который он оказывается встроенным? Материалом для него послужили магические тексты и легенды о свт. Николае Чудотворце.

Магические тексты, используемые в ритуальных практиках, неоднородны в жанровом отношении по признаку письменный (=христианский) / устный (=языческий). Соответственно, количественная и качественная ономастическая «насыщенность» именованй свт. Николая Чудотворца в них будет неоднородной.

1. *Каноническая молитва* как жанр книжного происхождения не предполагает каких-либо вольных изменений со стороны произносящего его, поэтому имена упоминаемых в подобных текстах святых не подвергаются трансформациям и отличаются формальной сверхустойчивостью. Смысловые приращения осуществляются за счет описательных оборотов, напрямую обусловленных комплексом представлений о святом, восходящих к житию («*алчущих кормитель, плачущих веселие, болящих врач, по морю плавающих управитель*» и т.д.).

2. Переходным жанром между канонической молитвой и заговором является *народная молитва*. Ее особенность состоит в том, что она совмещает черты как молитвы, так и заговора, что соответствующим образом отражается и в номинации персонажа. Наряду с Николаем он может именоваться Николой.

3. *Заговор* в силу своего преимущественно устного бытования ориентирован в первую очередь на разговорный язык (нередко – в его диалектной версии). В результате в устной традиции сформировалась устойчивая цепочка взаимозаменяемых именовании святителя: Николай/Миколай – Никола/Микола. При этом имя нередко распространяется различными эпитетами, выражающими отношение к святому – *милостивый, батюшка, скорый помощник, теплый заступник*.

Эпические тексты о свт. Николае Чудотворце представлены *книжным житием* и фольклорными *легендами* (включая все их разновидности: собственно легенды, легенды-предания, легенды-былички [в терминологии Ю.М. Шеваренковой]).

1. Житие, как и молитва, является жанром, бытующим преимущественно в письменной форме. С этим связана формальная устойчивость имени святителя: он именуется Николаем и никак иначе.

2. Фольклорная легенда бытует в устной форме, поэтому (как и заговор) тяготеет к разговорному языку, что открывает широкие возможности для номинативных трансформаций в сторону редукции и опрощения → Никола/Микола. Но, в отличие от заговора, в легенде ряд присоединяемых к имени эпитетов более широк. При этом каждый информант выбирает из него те, которые считает наиболее показательными для Николая Чудотворца. В результате в жанре легенды номинации святителя оказываются более вариативными, нежели в магических текстах.

Таким образом, рассмотрев два ряда текстов (эпические и магические), можно сделать вывод о том, что по мере удаления от канона образ святителя обрастает новыми характеристиками, становясь «выпуклым» и «объемным». В сферу номинации попадает уже не только имя, но и черты характера, свойственные именно этому святому и выделяющие его из ряда других. Так святой становится не просто представителем святцев, а полноценным фольклорным образом.

Пражский список повести о происхождении табака

Древнерусская повесть о происхождении табака в своем варианте «Сказание от книги, глаголемья Пандокъ» известна в большом количестве списков. Все известные списки этого варианта Повести, по наблюдениям Т.Ф. Волковой, можно разделить на списки «основной», «особой», «распространенной» и кратких редакций.

Один из списков «Пандока» хранится в Славянской библиотеке в Праге. Это список собрания А. Д. Григорьева № 22, читающийся в сборнике XIX в., в 8-ку, написанный гражданской скорописью на л. 87-113. Проведя работу по транслитерации и текстологическому анализу списка, мы установили, что он относится к распространенной редакции Повести, известной в настоящее время всего по двум спискам РГБ: собр. Ундольского, № 531 (XVIII в.) и Музейного собр., № 781 (XIX в.).

Текст Повести о происхождении табака по спискам данной редакции содержит все основные элементы фабулы. Отличительная черта редакции – расширение многих мотивов за счёт сокращения других, повторяющихся. В списках этой редакции проявляется усиление назидательности. Вероятно, писец хорошо знал сюжет Повести, поскольку сокращения довольно удачны, а расширения показывают связь темы табака с темой ада и Апокалипсисом. Выявленные ранее списки распространенной редакции имеют различия и не дублируют друг друга.

Пражский список оказался более близок по тексту к списку Ундольского, чем к Музейному списку. Повторяет пражский список и композицию списка Ундольского: после мотива 16 (по классификации Т.Ф. Волковой), рассказывающего о купцах и продавцах, разбогатевших от продажи табака, в Пражском списке, как и в списке Ундольского, появляется вставка, близкая к мотиву 11, в котором говорится о греховном зачатии библейской Иезавелью дочери, ставшей впоследствии блудни-

цей, едзящей на «звере червлене». В основной редакции Повести за мотивом 16 сразу следует 17-й мотив, рассказывающий о трезвой жизни язычников – обитателей страны царя Анепсия. В Музейном списке похожая вставка читается после мотива 15 – «о чаше в руке блудницы», который несколько сокращен по сравнению с основной редакцией; мотивы 16-17 в данном списке отсутствуют, а после вставки сразу читается мотив 18 «Введение к истории царя Анепсия». Приведем фрагмент указанной вставки по спискам Ундольского и Григорьева, выделив незначительные разночтения списков.

Список Ундольского 531	Список Григорьева 22
<p>Како зачатся: дщерь оныя монахины бысть она двенатцети леть и нача непрестанно любодействовати, оскверни девство и дая тело // свое в пустошь на скверное дело блуднецы же... Едзя она на звери червлене, в незнаемых землях блудяше и оскверняше множество народа. Во градех же тех мало таких людей, кто бы возмогль еси от ловления и похотий ея отбежати, не осквернитесь, понеже она лицом красна и образом буява ...</p> <p>(л. 72 об. – 73)</p>	<p>И како зачатся дщерь // тоя блудницы монахины [и?] родися, бысть. 12 лть нача непрестанно любодѣйствовати и оскверни девство свое, и дая тѣло свое в пустошь и скверный блудь... Пришло (?) время едзяще // на звери бесовском червленнѣ, въ незнаемых землях блудяще, оскверняюще множество народа. Во градех техъ мало таких, кто возмогль от ловления похоти ея не осквернитися, понеже бо лицом красна, образом буява ...</p> <p>(л. 91 об. – 92 об.)</p>

В списках Ундольского и Григорьева сокращены также мотивы 77–87, в которых царь Анепсий рассказывает епископу о своих снах. Эти мотивы здесь представлены более сжато, чем в основной редакции, поскольку содержат пересказ моментов, освещенных в Повести ранее (в мотивах 21–34 и 72–74).

Заканчивается пражский список Повести, как и список собрания Ундольского, эсхатологическим мотивом 95, рассказывающим о поведении людей в последние дни. Список Музейного собрания вершается мотивом 101, в котором говорится о том, что и «верные» стали приобщаться к табаку и что они вместе с «погаными» будут вечно мучиться

на том свете. В основной редакции Повести читается еще ряд мотивов (№№ 102-108), представляющих собой рассказ о проклятии табака, отлучении курильщиков от церкви и наказаниях для них.

Таким образом, введение в научный оборот списка из собрания А.Д. Григорьева позволило расширить представления о составе и характере распространенной редакции, бытовавшей на Русском Севере.

К. А. Витязева
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

Проложные тексты в составе печорских рукописных сборников

В составе усть-цилемских рукописных сборников содержатся многочисленные выписки из популярного в средневековье, а позднее – в старообрядческой среде сборника, получившего на русской почве название Пролога. Нами было выявлено 65 проложных выписок в составе 25-ти рукописных сборников XVII–XX веков, хранящихся в Усть-Цилемском и Усть-Цилемском новом собраниях ИРЛИ (Пушкинского дома) РАН и в НБ СГУ им. Питирима Сорокина. Безусловно, дошедшие до нас печорские сборники, включающие в свой состав тексты из Пролога, не отражают в полной мере всю рукописную традицию Пролога в этом регионе, однако и то, что сохранилось, позволяет составить некоторое представление о приоритетных темах и сюжетах, которые волновали печорских крестьян, переписывавших соответствующие проложные повести, а также о тех идеях и образах, которые через рукописные тексты воспринимались печорскими читателями, оказывали на них идейно-нравственное и эстетическое воздействие.

Во-первых, в сборники включались отдельные проложные жития и памяти святым и мученикам, по-видимому, понравившиеся составителям и привлечшие их внимание. Среди них, например, Житие Алексея, человека Божия, Житие Антония Римлянина, Житие Марины Велико-

мученицы, Житие Николая Мирликийского, Память Татьяне, девице мученице, Память Февронии преподобномученице.

Во-вторых, печорские крестьяне делали выписки из Пролога, отражающие различные грани христианского мировоззрения. Среди них можно выделить проложные рассказы, связанные с христианской религиозной догматикой: «таинствами», силой веры, силой молитвы, чудесами от икон, видениями. В этих повестях зачастую фигурируют представители преисподней: дьявол, нечистые духи – демоны и бесы.

Ряд проложных текстов в печорских сборниках посвящен обличению грехов, таких как: прелюбодеяние, блуд, пьянство, уныние, лень, лицемерие, стяжательство.

Тема греха в сюжетах Пролога тесно связана с темой покаяния. В религиозном сознании христиан (в том числе и старообрядцев) покаяние является единственным путем спасения человека, оно освобождает душу человека от «греховной тяжести». Поэтому неудивительно, что печорцев, с их особым религиозным складом мышления и мировосприятия, волновала эта тема. В отдельную группу объединяются тексты о воздаянии за грехи.

Большое количество проложных выписок посвящено христианским добродетелям – смирению и любви, милостыни, нищелюбию, пустыничеству, трудолюбию. Волновала печорских крестьян и тема книжного почитания, которая раскрывается в ряде проложных сюжетов, вошедших в печорские сборники.

Итак, судя по выявленным нами выпискам, включение проложных текстов в печорские сборники обуславливалось религиозным мировосприятием печорских крестьян. Из всего тематического разнообразия Пролога печорцами переписывались и включались в местные сборники рассказы, повествующие о жизни и мучениях святых, а также рассказы, раскрывающие основные положения христианского вероучения. Таким образом, можно говорить о том, что многие темы и сюжеты средневекового агиографического сборника Пролога были актуальны для печорских крестьян и нашли в их лице заинтересованных читателей.

Поэтический хронотоп Марины Цветаевой

В жизни и творчестве Марины Цветаевой важное место занимает тема разлуки. Мы отобрали около 200 поэтических произведений, в которых эта тема является главенствующей, получает максимальное раскрытие. Проанализировав большой пласт стихотворений, мы выделили ряд аспектов внутри темы разлуки. Весьма разнообразными оказались и объекты разлуки – с кем или с чем расстается поэт и это расставание описывает в своих поэтических произведениях.

В данном докладе рассмотрим тему разлуки с точки зрения образной системы, которая используется Цветаевой для ее раскрытия. Образная система складывается из многих составляющих. Рассмотрим одну из них – поэтический хронотоп Марины Цветаевой.

Проанализировав стихотворения с точки зрения образов, раскрывающих тему разлуки, мы выделили две большие группы: темпоральные образы и поэтические топосы.

Темпоральные образы представлены следующими разновидностями.

1. **Воспоминание о прошлом**: поэт возвращается мыслью в прошлое, в котором еще не было разлуки («По тебе тоскует наша зала»; «Надпись в альбом» и др.); лирическая героиня не осознает, что разлука уже свершилась, и не может отказаться от прошлого, жертвуя настоящим во имя прошлого («Памятью сердца»); лирическая героиня принимает разлуку как свершившийся факт, оставляя все в прошлом («Я вас люблю всю жизнь и каждый день...»; «В оны дни ты мне была, как мать...»), сожалеет о том, что была инициатором разрыва («Призрак царевны»).

2. **Противопоставление разных аспектов художественного времени: прошлого – настоящего – будущего**: описывается разрыв с возлюбленным из-за принадлежности их к разным поколениям («Я – есмь. Ты – будешь. Между нами – бездна...»; «Умирая, не скажу: была...»);

утверждается единство прошедшего, настоящего и будущего: разлука с героем в прошлом сулит встречу в будущем («Брожу – не дом же плотничать...»); вечные ценности героини противопоставляются бренности разлук («Минута», «Бренные губы и бrenные руки»).

3. **Образы суточного временного цикла:** ночь как соединяющая любящих сила, утро как сила разъединяющая («Ночные шепота: шелка...»; «Бессонница»); ночь как время отдыха от повседневности, разрыва с обыденностью, утро как возвращение в реальную жизнь («Вдруг вошла...»); образ зари как предвестницы конца земной жизни («Знаю, умру на заре! На которой из двух...»).

Более обширную группу представляют собой поэтические топосы:

1. **Образ перекрестка:** «росстань» как место пересечения трех времен – прошедшего, настоящего и будущего, откуда видны все прошлые и будущие потери и приобретения («Брожу – не дом же плотничать...»); перекресток как место разлуки, когда близкие поэта выбирают иной жизненный путь («Собирая любимых в путь...»); перекресток как символ расставания: крест дорог метафорически ложится на душу лирической героини и она всю жизнь несет на себе этот крест («Веселись, душа, пей и ешь!»).

2. **«Пейзаж» разлуки:** место прибытия героини в новое жизненное пространство, непохожее на место родное и оставленное («В Оuchy»; «Мама на лугу»).

3. **Образ душевного «плена»:** человек находится в «плену» сильного чувства, однако рано или поздно это чувство утрачивается («Не в нашей власти»)

5. **Образ вокзала, пристани:** пристань, вокзал как места, где совершается разлука («На прощанье»; «Наша зала» и др.).

6. **Образ поезда:** поезд как посредник между смертью (расставанием с жизнью) и бессмертием («Побег»), на нем лирическая героиня оставляет земную жизнь, разрывает с ней связи («Поезд жизни»).

6. **Образ дороги, пути:** намеренное расставание лирической героини с возлюбленным, выбор принципиально иного жизненного пути

(«Aeternum vale»); путь как символ ухода от привычной жизни («Над синевою подмосковных рощ...»; «Справа, справа – баран круторогий...»).

7. **Образ дали:** даль (расстояние), разлучающая людей в физическом мире («Никто ничего не отнял!..»; «Привет из вагона» и др.), но не в мире духовном («Уедешь в дальние края...»; «Рас-стояние: версты, мили...» и др.), даль как символ душевной боли при расставании («Слова и смыслы»).

8. **Образ площади:** смерть (расставание с жизнью) на многолюдной площади как символ общественного признания поэта («В тяжелой мантии торжественных обрядов...»).

А.А. Дементьева
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

Слово как «потерянный бриллиант» в творчестве А.М. Ремизова

Основополагающее значение при характеристике своей творческой позиции А. Ремизов придает теме языка, отношения к печатному слову. Атмосфера детства автобиографического рассказчика была наполнена пристальным вниманием его родственников – дяди, брата – к истории и археологии, а матери – к литературе, особенно демократической: по многократным замечаниям рассказчика, его мать в молодости принадлежала к кругу первых русских социал-демократов и сохранила такие политические убеждения до конца жизни.

Такая культурная среда способствовала формированию в детском сознании устойчивого интереса к прошлому своей страны и современному литературному процессу. Среди имен, определивших позднее творческие интересы автобиографического рассказчика, Ремизов называет имена братьев Киреевских, Аксаковых, А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова.

Однако патриархальный уклад московской жизни воспринимается героем, и как явление, тормозящее ее естественный, все убыстряющийся ход. Ремизов, тонко ощущавший культурные веяния новой эпохи, понимал, что сугубо славянофильская позиция в необновленном виде не может принести качественных изменений русской культуре, находившейся на рубеже веков в состоянии «витязя на распутье».

Вероятно, именно поэтому специфика обращения к литературе далекого прошлого приобретает у Ремизова модернистский оттенок: «природное» влечение ко всему древнему, отчасти непонятному современнику писателя историческому наследию соединяется в его представлении с необходимостью актуализировать забытое, не востребованное знание, отраженное в древней книге; интерес писателя как отдельного представителя литературного процесса совпадает с общекультурной тенденцией увидеть в старом слове ответ на современную, как общественную, так и литературную ситуацию и постараться найти возможности ее решения.

Ремизов обращался не только к историческим закономерностям развития русского общества, но и к вопросам верного понимания и осмысления древнерусского слова. «Славянофильские влечения» (Г. Адамович) в отношении к языку у Ремизова проявляются в стремлении прояснить затемненную для современного носителя языка внутреннюю форму слова, сократить расстояние, разделяющее прошлое языка и его настоящее.

В связи с этой особенностью стилистики собственных произведений писатель сознательно представляет себя в текстах в качестве некоего юродивого «от литературы». Помимо дара вещего слова, юродивый, как правило, имеет какой-то внешний признак отмеченности высшими силами; так, автобиографический герой Ремизова наделяется косноязычием. Нарочитое акцентирование писателем этой характеристики связывается с тем, что рецензенты ремизовских произведений часто упрекали автора в непонятности текстов: особая манера письма воспринималась критиками как отклонение от нормы. Стремление к большей выразительности слова у Ремизова вылилось в эксперименты в области языка. Однако Ремизов, в отличие, например, от футуристов, сочетал проявление общей экспериментаторской тенденции с тяготением к языку текстов древнерусской литературы, которые он считал образцовыми.

В литературе нового времени писатель видел пример для новаций, а не для подражания. Тем не менее, отношение Ремизова к литературной традиции однозначно: преемственность в творчестве отвечает его концепции памяти. Однако приоритеты он расставляет, во-первых, соответственно своим «славянофильским воззрениям» (г. Адамович) на язык: в этом плане Ремизов возводит свою творческую родословную к Н.С. Лескову; во-вторых, ориентируясь на мысль об акустической работе над словом: здесь писатель и, вслед за ним исследователи, вполне оправданно называют имя Н.В. Гоголя.

Таким образом, для Ремизова невозможны традиционность и преемственность в творчестве, понимаемые только как следование канонам устоявшихся направлений или жанровых образований. Авангардный подход к созданию текста, который в принципе признается незавершенным и открытым, парадоксальным образом сочетается в творчестве Ремизова с его болезненно пристальным вниманием к слову, которое, будучи сказанным, возлагает на автора огромную ответственность.

С.Н. Касумова
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

Трансформация образов героев переводных рыцарских романов XVII в. в произведениях «народной» литературы первой половины XIX в.

В докладе анализируются особенности ранних произведений русской «народной» литературы, в частности оригинальной, созданной в XIX в. по мотивам переводного рыцарского романа «Повести о Еруслане Лазаревиче» текста «Сказки о Еруслане Еруслановиче». Популярность повести была настолько высока, что по ее мотивам было создано продолжение, повествующее о приключениях сына главного героя Еруслана Лазаревича – Еруслана Еруслановича.

Оригинальные русские переделки рыцарских романов, которых в конце XVII–XIX вв. в России было создано довольно много, изучены недостаточно, что неоднократно отмечалось исследователями, а единичные находки их позднейших переделок до сих пор могут встречаться в рукописных сборниках. Примером может послужить находящаяся в научной библиотеке Сыктывкарского университета «Гистория о Брунцвике» из Удорского собрания рукописей.

Проблема влияния русских переделок рыцарских романов на оригинальную народную литературу, на многочисленные повести, написанные неизвестными авторами по мотивам этих переделок, практически не изучалась современными литературоведами. Одним из немногих научных изданий текстов оригинальных русских переработок рыцарских романов и народных сказок является и книга Н.В. Новикова «Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века», которая послужила материалом для анализа.

Мы определили главный мотив, объединяющий все переделки рыцарских романов – мотив путешествия главного героя, провели анализ основных сюжетных ситуаций, выявили ряд важнейших деталей характеристик героев в рыцарских романах и их переделках: речь героев (наиболее частая форма общения – диалогическая), их участие в батальных сценах, создаваемых повторением одних и тех же стилизованных формул с незначительными изменениями и с заменами (например, имена героев могут меняться, но детали сражений с ними остаются неизменными) и т.п.

Наблюдения за особенностями рассмотренных нами произведений показали, что эти произведения тяготеют к однообразию приемов. Присутствие постоянно повторяющихся деталей в текстах свидетельствует о том, что у авторов этих произведений были свои представления о занимательности сюжета, о литературном языке, ориентированном большей частью на речевой этикет фольклора.

«Аутизм» и «коммуникативность» как выражение русской ментальности в русской литературе

Понятие «аутизм» ввел швейцарский психиатр Э. Блейлер. Он подчеркивал, что для аутизма характерно преобладание внутренней жизни, связанной с активным отстранением от внешнего мира. Антитезой аутизма является коммуникативность, подразумевающая положительное нравственно-этическое качество личности, выражающее predisposition человека к общению, к установлению контактов, связей, отношений [1].

В современном литературоведении понятия «аутизм» и «коммуникативность» используются как жизненная установка, поведенческий принцип, свойственные русской ментальности. Российский критик и литературовед С.И. Чупринин использует термины *аутизм* и *коммуникативность* применительно к типу авторской личности.

Н. Иванова, говоря о герметичности и аутизме современной русской «высокой» литературы, отмечает, что эти качества, «которые она (*литература*. – Ю. К.) ... культивировала, в конечном счете, сыграли с ней злую шутку»[2], привели к потере читателя. Н. Иванова так метафорически описывает эту ситуацию: «“Ну ты действительно хочешь быть самой сложной и самой непонятной? Будь ею”», – сказала литературная фея. Сказано – сделано; а глупый читатель переместился в зону жанровой словесности, охотно предоставившей ему литературное убежище» [2].

Аутизм и коммуникативность – характерные для русской литературы принципы художественного отражения действительности. На основе этих принципов могут строиться сюжет произведения, характеры героев, точка зрения автора, художественное пространство произведения.

При рассмотрении образа автора с позиции «аутизма – коммуникативности» все составляющие произведения (сюжет, персонажи) также должны рассматриваться как проявление сознания автора, «как манифестация его образа мира» [3].

В истории русской литературы принцип «аутизма – коммуникативности» прослеживается во многих литературных образах. По мнению исследователей, самое раннее описание аутичной личности в русской литературе принадлежит Ф.М. Достоевскому, наделившему чертами религиозного аутизма Ивана Карамазова [4]. Философ С.Н. Булгаков говорит об этом герое: «Постоянное страдание, жгучая боль неразрешенных сомнений заставляют Ивана внимательно относиться только к своему *внутреннему* миру; на участие во *внешней* жизни у него не хватает сил» [5] (курсив мой. – Ю. К.). Черты аутизма характеризуют особенности русского национального мировосприятия и поведения и проявляются в образах таких героев русской литературы, как Печорин в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», Степан Головлев в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы», Раскольников в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и др.

Коммуникативность также традиционна для русской литературы и русской культуры в целом. Одним из вариантов коммуникативности является юродивость (Ср., напр.: «Житие протопопа Аввакума...», «Житие Юлиании Лазаревской», «Борис Годунов» А.С. Пушкина, «Детство» Л.Н. Толстого, «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Подросток», «Бесы» Ф.М. Достоевского, «Очарованный странник» Н.С. Лескова; «Богомолье» и «Лето Господне» И.С. Шмелёва, «Сокровенный человек», «Усомнившийся Макар», «Чевенгур» и «Котлован» А.П. Платонова, «Матрёнин двор» А.И. Солженицына, «Москва – Петушки» В. В. Ерофеева и др.).

Таким образом, принцип «аутизма – коммуникативности» представляет собой мировоззренческую оппозицию, связанную с особенностями русского менталитета, и прослеживается на протяжении нескольких столетий – в образах русской литературы XIX–XXI вв.

1. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). URL: http://spiritual_culture.academic.ru/1060/Коммуникативность
2. Иванова Н. Ultra-fiction, или Фантастические возможности русской словесности. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/11/iv1.html>

3. *Белянин В.П.* Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя: моногр. М.: Генезис, 2006. С. 33.

4. *Кантор В.К.* Исповедь и теодицея в творчестве Достоевского (рецепция Аврелия Августина). URL:

http://vphil.ru/index.php?id=305&option=com_content&task=view

5. *Булгаков С.Н.* Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип. Публичная лекция. URL: <http://www.vehi.net/bulgakov/karamaz.html>

М.А. Коробко

Орловский государственный университет

Пейринг в фанфикшн: закономерности использования (на материале фандомов «Шерлок», «Мерлин», «Сверхъестественное»)

Фанфикшн в современной науке все чаще рассматривается как специфическое постфольклорное явление, имеющее свою традицию оформления и критерии, отличающие этот интернет-феномен от других [1, 2, 3, 7, 8]. До сих пор исследования в этой области затрагивали жанровую и образную системы, лингвистическую составляющую текстов уже сложившихся фандомов [2, 5, 6]. Мы обратимся к изучению закономерностей их развития в аспекте выбора пейринга.

Пейринг – персонажи, участвующие в фанфике [10]. Вместе с жанром и рейтингом пейринг дает предварительное представление о содержании фанфика [5]. В качестве материала исследования были выбраны три фандома («Шерлок», «Мерлин» и «Сверхъестественное»), которые оформились на крупном русскоязычном ресурсе фанфикшн-сайте <http://ficbook.net/>. Выбор фандомов обусловлен тем, что каждый из них основан на телесериальной продукции с похожими типами персонажей и особенностями построения их взаимоотношений. Общее количество текстов в фандоме «Шерлок» составляет 1272, в «Мерлине» – 1793,

«Сверхъестественное» – 2682. Наблюдение за развитием сообществ проводилось с момента появления первого текста в 2010 г. до 27.08.2013 г. (2010–2013).

В исследуемых фандомах авторы чаще всего используют образы главных героев сериала и стараются описывать внешность, характер и поступки центральных персонажей канонично. При описании Шерлока в фанфиках упоминаются его «чертоги разума», разговоры с черепом, уникальные логические умозаключения, типичные жесты. При характеристике Мерлина описываются элементы одежды, уникальный цвет глаз волшебника, особо отмечается, что Мерлин еще учится магии. В описании братьев Винчестер подчеркиваются их различия: авторы фанфиков наделяют Дина пренебрежительностью к законам, бесшабашностью, прямолинейностью, а Сэма – рассудительностью, уравновешенностью и изрядной долей скептицизма.

В то же время в фандомах частотно использование неканоничных пар. Самым популярным пейрингом в фандоме «Шерлок» является «Шерлок/Джон» (546 текстов); в сообществе «Мерлин» – «Артур/Мерлин» (730 текстов); в фандоме «Сверхъестественное» – «Кастилья/Дин» (715 текстов). Это объясняется тем, что в каноне либо делались намеки на нетрадиционную ориентацию героев, либо персонажи проводили вместе много экранного времени, испытывая друг к другу дружеские чувства.

В сообществах отмечается наличие «истинного пейринга» (one true pairing, ОТР), т.е. такой пары персонажей, о которой хочет читать большинство членов фандома. Об этом говорила Кэтрин Дрискол в работе «One true pairing: the romance of pornography and the pornography of romance» [8]. Такие пары приобретают принятое в фандоме сокращение (Динокас, Шериарти и т.д.).

В анализируемых сообществах можно заметить тенденцию использовать не персонажей канона, а актеров, их играющих. В фандоме «Шерлок» таких фанфиков немного – 13, а в сообществах «Мерлин» и «Сверхъестественное» их значительно больше – 149 и 164 текстов соответственно. Скорее всего, это связано с неразличением фикрайтерами

персонажей канона и актеров, что может быть обусловлено возрастными особенностями авторов (12–18 лет). Такое явление отмечала Н.В. Кургузова в работе «Механизмы порождения фольклорного текста в интернет-пространстве: традиции девичьего рукописного рассказа на форуме телепроекта «Звезды на льду» [4].

Популярными оказываются многопейринговые тексты (30 % от общего числа текстов в каждом фандоме). Встречаются также монологические фанфики, где отмечен лишь один персонаж, чьи мысли и чувства выражаются от первого лица (POV). Наличие таких фанфиков свидетельствует об отходе от канона, поскольку в оригинальных сериалах четко прослеживается наличие двух центральных персонажей.

Замечено, что использование тесно связанного с категорией пейринга понятия самовведения (Мэри Сью) является менее желательным (16 текстов в «Шерлоке», в «Мерлине» – 16, в «Сверхъестественном» – 52), чем использование оригинальных персонажей или героев, характер которых не соответствует канону (в «Шерлоке» – 456 текстов, в «Мерлине» – 386, в «Сверхъестественном» – 234 фанфика).

Редко в пейринге отмечают персонажи других фандомов (кроссовер), что, вероятно, связано с желанием фикрайтера сохранить атмосферу оригинального телесериала. Но замечено, что в каждом фандоме есть текст, который пересекается с другим из анализируемых сообществ. Авторы чувствуют связь между сериалами и используют ее для создания кроссоверов.

Таким образом, мы можем отметить следующие закономерности в развитии сообществ «Шерлок», «Мерлин» и «Сверхъестественное» ресурса <http://ficbook.net> в аспекте выбора пейринга:

- пейринг в фанфикшн может состоять из одного, пары (Шерлок/Ирэн, Дин/Кас, Артур/Гвен) или нескольких персонажей;
- фикрайтеры выбирают в качестве персонажей главных героев сериалов, что свидетельствует о коллективном желании авторов следовать за первоосновой;
- многократно используются в фанфиках неканонические пары, часто вступающие в гомосексуальные отношения;
- отмечена тенденция использования в текстах не героев канона, а актеров, играющих их в сериалах;

– в исследуемых сообществах отмечается наличие «истинного пейринга», который приобретает в фандомах определенные наименования, что свидетельствует об их популярности в сообществе;

– большое количество многопейринговых текстов в фандомах может говорить о стремлении некоторых фикрайтеров расширять рамки канона и желании отойти от заложенных в оригинале сюжетных линий;

– нежелательным во всех трех сообществах считается самовведение автора в текст (Мэри Сью), малопопулярно также и создание авторских персонажей, что связано с желанием читателей окунуться в уже знакомую вселенную;

– малопродуктивными оказываются кроссоверы, поскольку фикрайтеры стремятся сохранить атмосферу оригинального произведения.

1. *Алексеевский М.Д.* Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов / отв. ред. А.С. Каргин. М., 2010. С. 151–166.

2. *Васильева Н.И.* Фольклорные архетипы в современной массовой литературе: романы Дж. К. Роулинг и их интерпретация в молодежной субкультуре : дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2005. 243 с.

3. *Каманкина М.В.* Фандом «Гарри Поттера» и феномен народных переводов // Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции — к виртуальности / сост. А.С. Каргин, А.В. Костина. М., 2007. С. 147–162.

4. *Кургузова Н.В.* Механизмы порождения фольклорного текста в интернет-пространстве: традиции девичьего рукописного рассказа на форуме телепроекта «Звезды на льду» // Антропологический форум. 2013. № 18. Online.

5. *Попова С.Н.* Лингвостилистика фанфикшн: на материале англоязычных сайтов, посвященных творчеству Дж. Р. Р. Толкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

6. *Прасолова К.А.* Фанфикшн: литературный феномен конца XX – начала XXI в. (творчество поклонников Дж. К. Роулинг): дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2009. 253 с.

7. *Радченко Д.А.* Сетевой фольклор как способ осмысления актуаль-

ной реальности // Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции – к виртуальности / сост. А.С. Каргин, А.В. Костина. М., 2007. С. 63–86.

8. *Рукомойникова В.П.* Самодеятельное творчество пользователей сети Интернет как явление постфольклора // Первый всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов / отв. ред. А.С. Каргин. М., 2006. Т.3. С. 289–297.

9. *Driscoll C.* One true pairing: the romance of pornography and the pornography of romance // Fan fiction and fan communities in the age of the Internet, ed. Busse K. and Hellekson K. NC, 2006. С. 79–98.

Источники:

10. <http://ficbook.net/>

А.А. Крюков
Костромской государственной университет
имени Н.А. Некрасова

Юрий Фельзен в зеркале критики русского зарубежья

Юрий Фельзен (настоящее имя Николай Бернгардович Фрейденштейн) – русский писатель-эмигрант, автор романов, рассказов и повестей, литературный критик. При жизни Фельзена были опубликованы три его романа («Обман», «Счастье», «Письма о Лермонтове») и несколько рассказов. Практически все опубликованные при жизни произведения входили в так называемый роман с писателем под названием «Повторение пройденного».

Произведения цикла «Повторение пройденного» имеют форму внутренних монологов, обладающих в то же время признаками дневниковых записей и неотправленных писем, адресованных возлюбленной главного героя – Лёле Герд. Стиль Фельзена характеризуется сложным, «ветвистым», многомерным синтаксисом, с помощью которого автор пытается передать все движения души и мысли главного героя.

В предложенном докладе характеризуются основные точки зрения на творчество Фельзена, обозначившиеся в работах современных писателю критиков.

Один из первых откликов на творчество Фельзена принадлежит Герману Хохлову, писавшему под псевдонимом «Ал. Новик». В 46-й книге «Современных записок» (1931) он даёт рецензию на повесть Юрия Фельзена «Обман», называя её «многословной, однотонной и лишённой внешней занимательности». Подобные «минусы» в прозе Фельзена критики будут отмечать на протяжении всего его творческого пути: многословность будут находить излишней, а «психологический розыск» совершенно ненужным. Но дальше Хохлов выявляет достоинства повести «Обман». В частности, в своей рецензии Хохлов обнаруживает и то, за что критики впоследствии будут хвалить Фельзена: художественную тонкость и изощрённость переданных в произведении впечатлений, удовольствие от которых смогут получить не все, а только читатели-интеллектуалы.

Пётр Пильский в четвёртой книге журнала «Числа» (1931) тоже отзывается рецензией на «Обман». Критик подмечает практически те же самые особенности прозы Фельзена, что заметил и Хохлов, но в отличие от него, Пильский не делает какие-то из них плюсами, а какие-то минусами: каждую особенность он видит деталью замысла, поэтики. Помимо этого, Пильский на протяжении всей рецензии подчёркивает ощущение некой тесноты, «душности» прозы Фельзена. Именно эта особенность, отмеченная Пильским, очень важна – она акцентирует то ощущение, которое испытывали эмигранты на чужбине: ощущение безвоздушности, герметичности, оторванности от родной земли и культуры.

После романа «Обман» (1931) Юрий Фельзен выпускает ещё два романа – «Счастье» (1932) и «Письма о Лермонтове» (1936), новеллы «Пробуждение» (1933), «Композиция» (1939) и другие произведения средней эпической формы. В них Фельзен продолжает осуществлять намеченную эстетическую программу и этим только упрочивает свой статус «писателя не для всех». Вместе с тем критика начинает видеть в

нём не просто прустинского эпигона, а глубокого и вдумчивого художника, вносящего свой ценный вклад в развитие русской литературы.

Маститый критик русского зарубежья Георгий Адамович высоко ценил творчество Фельзена. Вместе с тем в своем обзоре 68-й книге «Современных записок» (Последние новости. 1939. № 6597) Адамович упрекает Фельзена за «высокомерное отношение» к читателю, т.е. за неоправданную сложность и «зашифрованность» художественного мира его прозы.

Другой влиятельный критик – литературный противник Адамовича – Владислав Ходасевич в том же 1939 г. тоже анализировал творчество Фельзена в своей статье «Книги и люди». В ней Ходасевич одним из первых подходит к осмыслению творчества Фельзена как целого: корпус его произведений он видит не реестром отдельных сочинений, а частями одного большого Романа. Помимо привычных упреков в сложности, которые вслед за другими критиками повторяет Ходасевич, он находит новую, в художественном отношении амбивалентную черту творческого мышления Фельзена – неразделённость Автора и Героя.

Высоко оценивал прозу Фельзена и один из самых талантливых и известных писателей русского зарубежья – Владимир Набоков. Характеризуя произведения Фельзена, он заявлял, что это «настоящая литература, чистая и честная».

Проблемы изучения сюжета «Казанской истории»

«Казанская история» (далее КИ) – одно из самых интересных и значительных историко-публицистических сочинений русской литературы второй половины XVI в., представляющее собой «беллетризованный рассказ о трехсотлетней истории русско-ордынских отношений со времени образования Золотой Орды до завоевания в 1552 г. Иваном Грозным отпочковавшегося от нее в середине XV в. Казанского ханства» [1].

КИ «органично соединила в себе три начала – историческое, публицистическое и беллетристическое» [2]. К КИ обращались многие исследователи. Большой вклад в ее исследование внесли Г.З. Кунцевич, Г.Н. Моисеева, Л.А. Дубровина, в 80-е гг. XX в. – Т.Ф. Волкова, исследовавшая сюжет второй части КИ (главы 50–100), рассказывающей о походе на Казань Ивана Грозного, закончившемся взятием города и покорением всего Казанского ханства. Т.Ф. Волкова выделяет 6 частей в повествовании последних 50-ти глав КИ и три сюжетные линии («мир», «война», «божественный промысел»), которые образуют единый сюжет. Мы продолжили исследование сюжета КИ, обратившись к первой части повести, восстанавливающей историю русско-татарских отношений, начиная с нашествия хана Батыея на Русскую землю. В докладе мы рассмотрим особенности сюжетной линии «война», переплетающейся в тексте КИ с двумя другими сюжетными линиями.

Характер изображения военных столкновений Московской Руси и Казанского ханства в КИ определили несколько идеологических факторов. Во-первых, следует учитывать идеологическую позицию автора КИ как сторонника сильной великокняжеской власти: именно она объясняет снижение роли бояр-воевод в некоторых эпизодах КИ, рисующих походы на Казань, предшествовавшие походу под предводительством Ивана Грозного в 1552 г. (главы 14-я, рассказывающая о неудачном походе на Казань Дмитрия Углицкого, брата Великого князя Василия Ивановича, с боярами-воеводами, в ходе которого воеводы раньше времени стали

праздновать победу, чем и воспользовались казанцы, с легкостью одолев их), 18-я, повествующая о втором послании воевод на Казань, также неудачном: воеводы напрасно погубили русское войско, обнаружив свою стратегическую несостоятельность).

Во-вторых, в КИ на протяжении всего повествования развивается идея богоизбранности Ивана Грозного, которому Бог уготовил судьбу покорителя Казанского царства. Этим автор КИ объясняет все военные неудачи предшественников Ивана Грозного. Так, в главах 8-й и 11-й рассказывается о неудачных походах на Казань великого князя Василия Дмитриевича в 1395 г.; в главе 12-й говорится о неудачах великого князя Ивана III, которого предал казанский царь Махмет-Амин и перебил всех русских людей в Казани.

В-третьих, на характере изображения некоторых событий военной истории сказался и «биографический фактор» – многолетнее пребывание автора КИ в Казани, обусловившее в ряде случаев его объективность в описании военных конфликтов казанских ханов с московскими правителями. Например, в главе 10-й автор выражает явное сочувствие казанскому царю Улу-Ахмету, покаявшемуся перед «русским Богом» во всех своих злодеяниях, а в главе 12-й, рассказывающей о том, как казанский царь Махмет-Амин ограбил русских купцов, явно разделяет казанцев на истинных врагов Москвы и на рядовых казанцев, которые, как дети, пользовались нагребленным из простого щегольства и хвастовства.

1. *Волкова Т.Ф.* Казанская история // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI вв. Л.: Наука, 1988. С. 450.

2. *Волкова Т.Ф.* Развитие повествовательности и художественного вымысла в русской исторической литературе XV–XVII вв.: учеб. пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 1989. С. 58.

Роман Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов»: проблемы изучения

Имя Булата Окуджавы вошло в русскую культуру благодаря его стихотворениям, сценариям, музыке. Менее известны его сочинения в жанре исторической прозы, хотя они представляют большой интерес как со стороны содержания, так и со стороны формы.

В докладе рассмотрены основные проблемы изучения исторического романа Окуджавы «Путешествие дилетантов», выявлено отношение к нему как современников Булата Окуджавы, так и критиков текущего столетия.

Известный российский литературовед Дмитрий Быков пишет, что новый лирический взрыв в творчестве Окуджавы произошёл после того, как к нему вернулась свобода, граничащая с изгойством. И важной ступенью на пути к подобному освобождению была трехлетняя работа над романом «Путешествие дилетантов», которого было бы совершенно достаточно для того, чтобы увековечить себя в литературе, даже не написав ни одной песни.

Роман «Путешествие дилетантов» публиковался по частям: первая книга вышла в 1976 г. в журнале «Дружба народов», вторая была опубликована в том же журнале, но только спустя два года (1978), в книжном издании роман увидел свет в 1980 г. (издательство «Советский писатель»).

Исторической основой романа послужили последние годы правления Николая I. Окуджава хотел создать роман об эпохе, когда вновь появился абсурд, подобный абсурду павловского времени, времени жестоких репрессий. Николай I старался укрепить самодержавие всеми возможными способами, сжав Российскую империю в железный кулак цензуры. Эту эпоху можно назвать временем уничтожения человека. И именно в такое время прекрасно вписывается герой романа Окуджавы Мятлев, который не хочет жить в подчинении диктату государственного

аппарата. Свою тягу к XIX в. Окуджава объясняет тем, что этот век «не столь далёк, чтобы казаться недостоверным, и в то же время не столь близок, чтобы потерять загадочность». Прототипом для романа стала история князя Сергея Васильевича Трубецкого и его возлюбленной Лавинии Жадимировской, о которой Окуджава узнал из малоизвестной статьи Павла Щеголева «Любовь в равелине».

Остановимся сначала на оценке романа современниками Окуджавы. Его роман подвергся нападкам, начало которым положила статья Владимира Бушина «Кушайте, друзья мои, всё ваше». Книга, в которой воспеается свобода человека, не могла не вызвать критики со стороны партийных писателей, верных идеям социализма. На первом месте у человека, по их мнению, должна быть преданность отечеству, а не интересы личной свободы. Конечно, в романе аллегорически описано советское время, но одновременно фабула воссоздает совершенно другую эпоху, что удерживает поэта Куняева от прямых обличений автора, которого он обвиняет в диссидентстве и антирусских настроениях. Но парадокс состоял в том, что подобная критическая атака на роман «Путешествие дилетантов» лишь укрепила его позиции.

Вклад в исследование «Путешествия» вносят и многие современные литературоведы. М. Назаренко в статье «Прогулки фрайеров» рассмотрел это произведение как часть тетралогии, созданной Окуджавой. В нее входят «Свидание с Бонапартом», время действия в котором относится к 1801–1826 гг., «Бедный Авросимов» – к 1826 г., «Путешествие дилетантов» – к 1844–1859 гг., «Похождения Шипова, или Старинный водевиль. Истинное происшествие» – к 1862 г. Исследователь отмечает, что эти произведения объединяют не только временные рамки, но между ними существует и внутренняя связь. Рассматривается в статье и вопрос о связи этих книг Окуджавы с произведениями XIX в. – А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого.

В статье А.И. Смирновой «Роман Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов»: Архитектоника и жанр» рассматривается проблема жанра этого произведения, которое лишь формально, но не по сути является историческим романом. Другая исследовательница – А.Н. Латынина –

приводит слова самого Окуджавы, назвавшего «Путешествия» «историческими фантазиями», и замечает: «Неплохое жанровое определение. Можно и принять».

Таким образом, наиболее активно в критике и литературоведении обсуждалась проблема жанра «Путешествия дилетантов».

Ю.В. Леготина
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

Мифологема пути в русской лирике второй половины XIX века

Мифопоэтический анализ текста на протяжении последних десятилетий является одним из самых популярных методов исследования в современном литературоведении, однако ни единого подхода к изучению произведений с точки зрения мифопоэтики, ни устоявшихся определений понятий, составляющих основной инструментарий такого анализа, до сих пор не выработано. Так, за термином «мифологема» обычно стоит довольно широкий спектр значений – синонимичных и даже эквивалентных символу, образу, мотиву и теме, – но зачастую он вообще никак не проясняется. В данной работе будем придерживаться определения А. Ханзен-Лёве, под мифологемой понимающего семантическую единицу художественного текста, аккумулирующую в себе архетипические смыслы ряда общекультурных текстов.

С дорогой «связан шлейф устойчивых ассоциаций, распространяющих дорожную образность на прочие сферы бытия» [1], поэтому буквальный смысл понятия путь/дорога (в словаре В.И. Даля слово «дорога», помимо прочих значений, определяется как ‘род жизни, образ мыслей, судьба’) в ряде художественных текстов, в т.ч. лирических, отесняется переносным. Представления о дороге как о жизненном пути, пути в иной мир или к заветной цели – за счастьем или долей – складываются в мифологему пути, одну из самых частотных как в литературе

вообще, так и в русской лирике второй половины XIX века в частности. Ее анализ позволяет составить представление о творчестве отдельных авторов и охарактеризовать целый этап в развитии русской литературы.

Исследование показало, что практически все авторы первого ряда и так называемые второстепенные поэты с разной периодичностью обращались к мифологеме пути. Пожалуй, наиболее часто она встречается в лирике Я.П. Полонского (1819–1898): более полутора десятка стихотворений, в которых используется символика дороги, фактически исчерпывают все возможные реализации мифологемы, находящей воплощение в образах одинокого странника, дороги с тройкой, моря и железной дороги. Противоположность Полонскому в этом контексте составляет А. Фет: в его довольно объемном – относительно даже Полонского – полном собрании стихотворений мифологема пути встречается всего лишь однажды. Младшие современники Я.П. Полонского – так называемые поэты безвременья – в использовании мифологемы пути, как правило, не оригинальны, воплощая тот же спектр значений, что и их предшественники в середине века. Исключением становится лирика К.К. Случевского, в которой появляется образ дороги – пути по бескрайнему полю, который в фольклоре характерен для лиро-эпических произведений: поездка – обычное состояние, к примеру, эпического героя, при этом богатырь едет не по дороге, а по «чистому полю», занимающему все основное пространство в былинной картине мира.

В общем же виде символика мифологемы пути, ассоциирующейся прежде всего с жизнью, в русской лирике второй половины XIX века определяется такими характеристиками, как протяженность и однообразность; человек на этом пути только пассажир, от желания которого ничего не зависит. Зачастую мотив пути появляется в сочетании с другими мотивами, и пересечение их в одном тексте порождает дополнительные коннотации. Так, в комбинации мотивов пути и моря (корабля) могут возникать более светлые ноты, возможно по ассоциации с динамикой волн: она соотносима с движением жизни, которое всегда обещает перемены. Мотивный комплекс сон – зима – ночь (в разных сочетаниях) создает ситуацию «порогового состояния»: сон является здесь до-

минантным мотивом (своего рода «общим знаменателем» этой триады), благодаря этому образ дороги в этом окружении предстает как своего рода «инобытие» (сно-видение, откровение о жизни).

1. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции. М., 2003. С. 26.

С.В. Логинова
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

Изображение трудовой деятельности в коми пословицах и поговорках

Образные речения, или краткие народные суждения, употребляются в разговорной речи коми с незапамятных времён. Такие изречения и выражения принято называть пословицами и поговорками.

Труд играет важнейшую роль в жизни коми человека, поэтому пословицы и поговорки о трудовой деятельности занимают значительное место в жизни людей.

В коми пословицах и поговорках труд рассматривается как основа жизни, источник всех созданных человеком жизненных благ. Отражение трудовых традиций закреплено пословицами: *Бура кӧ уджалан, ылӧдз и нималан* (Хорошая работа далеко прославит); *Сьӧкыда уджалан – чӧскыда сӕян* (Крепче поработаешь – вкусно поешь); *Удж серти и дон босьтан* (По работе и плату получишь).

В коми народе получили широкое распространение пословицы и поговорки, утверждающие, что труд важен в жизни человека: *Коді нянь уджалӧ, сьлӧн нэм нюжалӧ* (Кто занимается хлебопашеством, тот дольше живёт); *Мортӧд уджын мортъяммӧ, мортӧс удж мичмӧдӧ* (Человек становится человеком на работе, человека работа красит).

У коми всегда отмечалось уважение к мастерам, умельцам, имеющим золотые руки. Это нашло отражение в пословицах: *Ачыс пуд, а сямыс зёлтник* (Сам с пуд, а уменя с золотник); *Мастер ки помысь зёлта киссьö* (Из рук мастера золото сыплется).

Ленивые работники порицаются: *Сёйигён ён, а удж вылö висьö* (За едой здоров, а на работу – болен); *Дыш мортлөн пыр аски да аскомысь* (У ленивого всегда завтра и послезавтра); *Омоль вурсьысьылдлөн прöстынясьыс ныр чышьян оз артмы* (У плохого портного из простыни носового платка не получится)».

В сознании коми человека труд – верное средство управления своим настроением, способ борьбы со скукой: *Гажтём кө – уджö кутчысь* (Если скучно – берись за работу).

Таким образом, коми пословицы и поговорки о трудовой деятельности раскрывают идею о том, что труд облагораживает человека, является одной из главных составляющих его жизни, её социальной ценностью.

И.С. Лыткина
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

Житие Варвары как тип жития великомученицы

В докладе рассматриваются жанровые особенности жития великомученицы Варвары, характеризуются особенности его сюжета, выделяются мотивы, присущие именно данному типу житий, рассказывающих о женщинах-великомученицах.

Житие Варвары вошло в XVI в. в Великие Минеи-Четьи митрополита Макария (Декабрь, день 4), а в XIX в. оно было переписано известным печорским книжником И.С. Мяндиным (список ИРЛИ, Усть-Цилемское новое собр., № 61). Житие Варвары интересно в двух аспектах: как агиографический памятник, привлёкший внимание

местного, печорского книжника, и как житие особого типа, героиней которого является великомученица.

Житие святой великомученицы Варвары – один из самых распространенных в Древней Руси переводных памятников византийской агиографии. Известно, что святая великомученица Варвара жила в IV в. во времена императора Максимилиана (305–311 гг.). Она родилась в г. Илиополе в знатной языческой семье. За приверженность к христианству она подверглась гонениям, перенесла жестокие истязания и приняла мученическую смерть, так и не отрехшись от своей веры.

В исследуемом памятнике мы выделили ряд устойчивых мотивов, встречающихся и в других переводных мученических житиях: суд над девушками-христианками, в ходе которого их побуждают отречься от христианской веры; «прение о вере» между язычником, представителем власти, и героиней-христианкой; описание мучений, по окончании которых мученицы остаются невредимыми; заключение героинь в темницу для того, чтобы они скончались там от полученных ран и голода; явление им в темнице посланцев Божьих или самого Христа, которые излечивают мучениц от ран и дают им силы для дальнейшей борьбы; описание казни святых и их посмертных чудес. Эпизоду казни предшествует предсмертная молитва, в которой мученицы благодарят Бога за посланное им терпение и просят принять свою душу. За этой молитвой следует ответный глас Бога, который восхищается великомученицей и открывает ей врата рая.

К мотивам, характерным именно для житий великомучениц, использованным в житии Варвары, можно отнести следующие. *Во-первых*, это мотив внешней привлекательности и семейного благополучия героини (описывается красота, богатство, знатность, которые она не ценит, противопоставляя их ценностям духовным). *Во-вторых*, сюжетно связанный с мотивом красоты христианки мотив сватовства мучителя к своей жертве и ее отказ стать женой язычника, мотивируемый тем, что она уже невеста другого – самого Христа.

Индивидуальных мотивов, присущих именно житию Варвары, нами было выявлено не так много. *Во-первых*, это рассказ об уединенном содержании Варвары в башне ее отцом-язычником Диоскором, который желал сохранить ее красоту только для себя. *Во-вторых*, появление у героини заступницы Иулиании, которая решает также пострадать вместе с Варварой за христианскую веру. *В-третьих*, индивидуальным мотивом жития Варвары является описание казни отцом собственной дочери – отсечение ей головы. Все эти мотивы не использованы в тех житиях великомучениц, которые мы исследовали – Екатерины Великомученицы, Анастасии Узорешительницы, Параскевы Пятницы.

Таким образом, житие Варвары великомученицы, привлекшее внимание известного печорского книжника И.С. Мяндина, в основном содержит мотивы, присущие всем женским мученическим житиям. И вместе с тем в нем есть и оригинальные мотивы, не встречающиеся в других житиях великомучениц. Это свидетельствует о том, что следование житийному канону в памятниках древнерусской переводной агиографии не приводило к обезличиванию их героев. Каждый женский образ, созданный в житиях великомучениц, неповторим и индивидуален.

А.А. Мануилова
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

Печорский список «Жития Василия Нового»

Предметом нашего исследования является печорский список «Жития Василия Нового (далее ЖВН) – известного памятника переводной агиографии Древней Руси, в котором соединились две жанровые традиции – апокрифических видений и житийной литературы с ее устойчивыми канонами.

ЖВН, написанное в X в. в Константинополе учеником Василия Нового, Григорием, отражает не только факты из жизни святого Василия,

но и основные исторические события того времени. Изучаемый нами памятник отличается от канонических житий включением в его текст двух «видений»: в первом описаны посмертные мытарства души блаженной старицы Феодоры, много послужившей при жизни святому Василию, во втором – явленные Григорию картины Страшного суда. Наличие эсхатологических видений сделало ЖВН популярным произведением в средневековой книжности, о чем свидетельствует большое количество редакций и списков.

Текстологическое исследование ЖВН было проведено С.Г. Вилинским в начале XX в. в монографии «Житие Василия Нового и Григорьево видение в русской литературе» (1911–1913 гг.). Именно он выделил различные редакции памятника.

Первая русская редакция ЖВН была создана в конце XI в. Она имеет ряд лексических, фразеологических и стилистических изменений по сравнению с первой греческой редакцией. **Вторая** славянская редакция появляется не позднее XIV в. у южных славян и представляет собой перевод второй греческой редакции. Здесь на первый план выдвигаются эсхатологические видения. Эта редакция имеет большое количество сокращений, однако неясно, были они сделаны греческим писцом или славянским переводчиком. **Третья** редакция «Жития» была составлена Дмитрием Ростовским, известным церковным деятелем XVII в. Содержание памятника в этой редакции представлено в сокращенном виде. Источниками редакции С.Г. Вилинский считает первую греческую и «болландистскую» редакции.

Печорский список ЖВН (НБ СГУ им. Питирима Сорокина, УЦ р. 33) представляет собой рукопись нач. XIX в. форматом в 8-ку, переписанную поморским полууставом двух почерков на 211 листах. Книга реставрирована в 1980 г. известным печорским старообрядческим писателем XX в. С.А. Носовым. Мы попытались определить, к какой редакции восходит данный список, какие изменения претерпел текст «Жития» по сравнению с более ранними списками.

Сравнив начало ЖВН в списке НБ СГУ им. Питирима Сорокина с теми редакциями, которые представлены в монографии С.Г. Вилинского, мы можем сделать ряд выводов. Во-первых, при соотнесении печорского списка с первой русской редакцией мы видим, что они достаточно сильно отличаются друг от друга как в содержательном аспекте, так и в

стилистическом. В печорском списке опущены почти все исторические факты, в частности полностью отсутствует эпизод о восстании Константина Дуки, который в первой редакции занимает несколько листов. Кроме того, в усть-цилемском списке отсутствуют некоторые чудеса святого Василия, читающиеся в I русской редакции.

При сравнении начала ЖВН по печорскому списку со второй южнославянской редакцией уже с первых слов мы обнаруживаем практически дословное его сходство со списком второй русской редакции, опубликованной Вилинским, что дает нам право утверждать: источником печорского списка стал один из вариантов второй редакции. Учитывая особенности второй редакции, мы можем сделать вывод о том, что переписчика рукописи Жития, сохранившейся на Печоре, заинтересовали видения Григория, читающиеся в составе ЖВН, поскольку именно во второй редакции они выдвинуты на первый план. Текст печорского списка достаточно близок к тому тексту, который опубликовал Вилинский, однако можно отметить и ряд различий на уровне лексики.

Отметим, что текст второй редакции издан С.Г. Вилинским по списку Императорской публичной библиотеки (ныне РНБ) с привлечением большого количества вариантов из других списков, что, возможно, позволит нам в дальнейшем определить протограф печорского списка ЖВН.

Е.А. Михеева

Вятский государственный гуманитарный университет

К проблеме генезиса жанра литературной сказки

Сказка – это повествовательное, народнопоэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил. Литературная сказка – это повествовательный жанр с волшеббно-фантастическим сюжетом, с персонажами реальными и/или вымышленными, с действительностью реальной и/или сказочной, в которой по воле автора поднимаются эстетические, моральные, социальные проблемы. Литературная сказка по своей природе является жанром индивидуального, а не коллективного творчества.

Зачастую при определении жанра литературной сказки ее почти полностью отождествляют с фольклорной. При жанровой дифференциации, которая свойственна в одинаковой мере фольклору и литературе, есть некоторые жанры, общие для той и другой разновидности поэтического искусства. Различие зафиксировано терминологически лишь добавлением слова «литературная». Известно, что литературная сказка – жанр, впитавший в себя черты народного фольклора и элементы литературных жанров. Наряду с глубинными, сущностными элементами, отраженными в тексте, в литературной сказке присутствуют и легко узнаваемые элементы фольклорной сказочной поэтики: сюжеты волшебных испытаний, отдельные сюжетные мотивы, система образов, устойчивые функции персонажей, интонационно-речевой строй либо отдельные тропы, стилистические клише и т.п. С другой стороны, литературная сказка далека от фольклорного первоисточника. Это оригинальное произведение, которое не только в сюжетно-композиционном плане ничем не напоминает волшебную фольклорную сказку, но и черпает образный материал из литературных, а не сказочных фольклорных источников.

Литературная сказка как авторское произведение имеет ряд структурных отличительных особенностей, не свойственных фольклору, несет индивидуальную смысловую и поэтическую нагрузку. Авторскую сказку в основном характеризует стремление к овладению системой типичных для народной сказки образов, ее языком и поэтикой. Одна из самых специфических черт современной литературной сказки – атмосфера «сказочной реальности», то есть растворенности «чуда», поддерживаемой художественными приемами, создающими «иллюзию достоверности».

Литературная сказка свободна в совмещении мифологических элементов, традиций фольклорных сказок, а также легенд, преданий и т.п., поскольку авторы нового времени имеют возможность творчески опираться на все достижения мировой культуры.

Можно выделить следующие основные черты жанра литературной сказки:

- отражает мировоззрение и эстетику своего времени в их специфически народном проявлении;
- используются типичные для народной сказки образы, особенности поэтики и языка;
- свободно сочетаются элементы действительности и вымысла;
- в сказке есть игровое начало в той или иной мере;
- явно выражена позиция автора, рассказчика (иногда в одном лице);
- сохраняется, как и в народной сказке, социальная оценка изображаемого.

Таким образом, литературную и фольклорную сказку рассматривают, несмотря на их взаимосвязь, как два самостоятельных жанра, одно рождающееся из другого. Авторская сказка ориентирована не только на жанры народной сказки, но и на включение элементов предшествующей культурной традиции. Литературная сказка создается конкретным автором, в каноничной письменной форме, образ героя индивидуализирован, а сюжет не ограничен какими-либо мотивами.

В целом представляется возможным выделить следующие жанровые особенности авторской сказки: опора на фольклорные традиции, присутствие игрового начала, наличие «образа автора», сочетание реального и фантастического. Литературная сказка выросла на основе фольклорной, унаследовала ее жанровые признаки, развивая и трансформируя их. Здесь можно говорить о жанровой эволюции.

Т.Н. Морозова

Институт филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова

Новые материалы к промысловому календарю Зимнего берега Белого моря

Календарь Зимнего берега Белого моря представляет собой уникальное явление, поскольку на первый план в нем выходит промысловая часть, в то время как традиционно основу календаря русского населения составляет аграрная. Это связано с тем, что именно промыслы (прежде

всего, зверобойный и рыболовный) длительное время являлись основным жизнеобеспечивающим занятием для поморов. Несмотря на то, что календарная обрядность является постоянным объектом исследования, промысловый календарь до сих пор остается недостаточно изученным. Среди наиболее значимых исследований – работы Т.А. Бернштам, статьи К.К. Логинова, П.А. Филина, В.Г. Кондратьевой, Н.Г. Комелиной, А.И. Васкул, М.Д. Алексеевского [1].

Настоящая работа посвящена рассмотрению новых записей промыслового фольклора, сделанных нами в ходе опроса местного населения и позволяющих составить более полное представление о поморском промысловом календаре.

Для жителей Зимнего берега одним из наиболее важных промыслов являлся лов семги на тонях. Рыбаки (обычно по 2–3 человека) садились на тоню в начале июня, когда должен был быть первый подход (по местной терминологии – *поход*) рыбы, и занимались промыслом до конца ноября – *Михайловского похода* (21 ноября). Перерыв во время промысла устраивался только во время сенокоса, на который отправлялись, например, в Зимнюю Золотицу, с Прокопьева дня (21 июля) до Спасов.

Чаще всего тони являлись коллективным общинным владением, поэтому существовал специальный обряд жеребьевки, «*игра в празгу*»: бумажки с названиями тоней складывались в шапку и каждый рыболов вытаскивал из нее одну бумажку. Меняться тонями после распределения было нельзя, повторялось оно каждые три года. Следует отметить, что данный обряд, хоть и утратив свое исконное название, сохранялся и в советский период.

В наиболее полном виде до нас дошел комплекс примет и поверий, связанных с промыслами, поскольку в данном виде деятельности больше, чем в каком-либо другом, человек чувствует себя во власти стихий. Так, на *Тихона* (29 июня) определяют, какая погода будет на море в течение всего сезона.

Кроме того, в поморском промысловом календаре присутствуют отголоски древнего лунного календаря, хорошо развитого у соседних нерусских народов, в т.ч. и тех, которые участвовали в формировании

поморского населения. Так, например, принято определять воды (*яроводье, маловодье* и т.д.), благоприятные для лова рыбы: считается, что рыба будет хорошо ловиться на тех водах, которые были тогда, когда выловили первую рыбу весной.

Также поморы отмечают зависимость лова рыбы от ветров. Например, при южном и юго-западном ветрах на море устанавливается *отдор*: из-за ветра на воде образуется рябь и рыба не идет. Интересен существовавший для преодоления этой неприятности обычай *заказывать жен в тоню*: когда начинался *отдор*, рыбаки вызывали своих жен, которые пекли пироги и отправлялись на тоню, где проводили ночь; после этого рыба появлялась.

Рассмотренные материалы позволяют составить более полное представление о поморском промысловом календаре, выявить наиболее значимые даты, а также показывают необходимость проведения дальнейших исследований для его реконструкции.

1. *Алексеевский М.Д., Васкул А.И., Козлова И.В., Комелина Н.Г.* Традиции рыбаков и зверобоев Терского берега Белого моря // Живая старина. 2009. № 2. С. 15–19; *Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л.: Наука, 1983; *Кондратьева В.Г.* Промысловый календарь в Поморье в конце XIX – начале XX веков // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность: сборник материалов. Архангельск, 2010. С. 287–300; *Логинов К.К.* Рыболовство Поморского села Нюхча // «Уведи меня, дорога»: сборник научных статей памяти Т.А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 54–69; *Филин П.А.* Этнографическое изучение поморов Терского берега Белого моря. Фонд А.А. Макаренко в Российском этнографическом музее // Полярный архив. М.: РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, 2003. Т. 1. С. 110–113.

Внутренний монолог Печорина как средство раскрытия характера героя (на примере повести «Княжна Мери»)

Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» давно привлекает литературоведов своей новизной. Именно в романе М.Ю. Лермонтова совершенно по-другому был изображен человек, отражавший новое явление русской действительности [1].

В романе М.Ю. Лермонтова стиль и композиция подчинены одной задаче: как можно глубже, точнее и всесторонне раскрыть образ главного героя, его внутренний мир, проследить историю его жизни.

По словам русского литературоведа Д.М. Урнова, внутренний монолог – это обращенное к самому себе высказывание героя, непосредственно отражающее внутренний психологический процесс, монолог «про себя», в котором имитируется эмоционально-мыслительная деятельность человека в ее непосредственном протекании [5]. По принципу внутреннего монолога построен «Журнал Печорина», который является неотъемлемой частью романа.

«Журнал Печорина» состоит из трех повестей: «Тамань», «Княжна Мери» и «Фаталист». Сюжет повестей концентрического типа: Печорин находится в центре всех событий. Здесь М.Ю. Лермонтов оставляет нас наедине с героем. Страницы «Журнала» – это предельно искренняя исповедь героя перед самим собой [4].

Большое значение внутренний монолог имеет в повести «Княжна Мери», именно здесь главный герой склонен к рефлексии.

В этой повести Печорин открывается перед читателями как истинный знаток женских сердец. Интересно здесь параллельное развитие отношений Печорина с Верой и Мери. Все его действия и слова направлены лишь на то, чтобы повелевать чувствами Мери, чтобы досадить своему товарищу Грушницкому и получить от этого удовлетворение.

Но Печорин не так бесстрастен, как хочет казаться, и настоящая влюбленность в Мери вызывает в нем досаду, ведь счастье для него лишь «насыщенная гордость». Во время последнего объяснения с Мери Печорин осознает свою вину перед ней.

Проходит время, и мы видим Печорина совсем другим. Он узнает о приезде Веры на Кавказ: «Судьба ли нас свела опять на Кавказе, или она нарочно сюда приехала, зная, что меня встретит?.. и как мы встретимся?.. и потом, она ли это?..» [3]. Умолчание в конце каждого выражения отражает беспокойство и трепет героя. Герой открывается нам с новой стороны: он умеет любить, быть робким в присутствии женщины, его «голова горит» рядом с ней. Но даже Вера, женщина, уже покорившаяся характеру Печорина, понявшая и принявшая его таким, как есть, вспоминает о том, что их отношения не принесли ей ничего, кроме страданий.

Во взаимоотношениях с Грушницким проявляется способность Печорина создавать «ситуации взрыва». Ему доставляет особое наслаждение разоблачать людей и срывать с них маски. С большой иронией Печорин в дневнике описывает Грушницкого. Грушницкий для героя – лишь повод для увеселения, удачное времяпровождение.

Бесславно заканчивается и дружба героя с доктором. Они испытывают глубокую симпатию друг к другу, однако Печорин предпочитает «держаться дистанцию». Причину такого поведения он объясняет в «Журнале»: «Я к дружбе неспособен: из двух друзей один всегда раб другого» [3].

Личная драма героя состоит в том, что он способен только брать от людей и не в состоянии ничего дать им взамен. В значительной мере причиной очерствения души Печорина является постоянный самоанализ, уход в себя. Рефлексия героя перерастает в болезнь. Пытливый ум, беспокойное сердце не позволяют герою сосредоточиться на конкретном деле, вести размеренный образ жизни. Роковые вопросы «кто я?», «для чего я родился?» мучают его беспрестанно и приводят к разрушению личности.

Повесть «Княжна Мери» в наивысшей степени раскрывает образ Печорина именно потому, что представляет собой большой, полный страданий внутренний монолог героя.

1. *Белинский В.Г.* Герой нашего времени. М.: Современник, 1988.
2. *Григорян К.Н.* Русская литература XIX века: Хрестоматия литературоведческих терминов: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1984.
3. *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени. М.: Пан Пресс, 2011.
4. *Удодов Б.Т.* Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1989.
5. *Урнов Д.М.* Внутренний монолог // ЛЭС. С. 65–66.

Р.Е. Тубылевич
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

Эволюция женских образов в воинском повествовании XVI–XVII в. в произведениях Куликовского цикла и «Сказании о Мамаеве воинстве»

В докладе проанализированы особенности изображения женских образов в воинском повествовании XVI–XVII вв. путем сопоставления с более ранними изображениями героинь в произведениях, созданных до этого периода. Были намечены основные пути изменения женских образов, рассмотрены пути их трансформации на примере женских образов памятников Куликовского цикла (летописные повести, «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище») и «Сказания о Мамаеве воинстве». «Сказание о Мамаеве воинстве» будет занимать особое положение в связи с разноплановостью своих источников: от книжных и документальных до фольклорных.

Большинство исследований воинских повестей было посвящено изучению сюжетных и стиливых особенностей (работа А.С. Орлова «Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII веком)»). Кроме того, исследователей привлекали в основном мужские персонажи

(статья А.Н. Робинсон «Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве»). Женским образам в воинском повествовании исследователями уделялось немного внимания, как правило, это были исследования строго исторические (книга Л.Е. Морозовой «Великие и неизвестные женщины Древней Руси») либо литературные, но довольно общего типа (работа Д.С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси»). Несмотря на то, что образы героинь каждого из указанных произведений уже так или иначе были затронуты исследователями, единого сопоставительного исследования на предмет изучения эволюции образов не проводилось.

Мы провели сопоставительный анализ особенностей создания облика героинь, их постепенного изменения, влияния одних источников и традиций на другие. Были отмечены основные качества того или иного образа, которые позволили (достаточно условно) отнести героиню к тому или иному типу женских персонажей; описаны пути изменения (усложнения) женских образов в зависимости от преобладающей литературной традиции.

Наши наблюдения показали, что можно наблюдать постепенное усложнение женских образов в воинском повествовании, в том числе и в связи с обновлением культурной, а в частности литературной, обстановки в России в период с XVI по XVII в.

И.А. Шабалина

Вятский государственный гуманитарный университет

Восприятие России второй половины XX века в творчестве Евгения Евтушенко

Поэт Евгений Евтушенко в своем творчестве проследил весь духовный путь Руси, все «прыжки» Российской империи, гигантский рывок Советского Союза и его последующий развал. Творчество поэта дает современному читателю возможность изучить соотношение глубины десятилетий с настоящим временем. Важнейшей проблемой, затронутой в поэзии Е.А. Евтушенко, оказывается проблема выражения авторского

взгляда на историю и современность своей страны. Исследованию этой проблемы посвящена данная работа, материалом исследования послужили лирические и лиро-эпические произведения Е.А. Евтушенко 1960–1990-х годов.

В соответствии с избранной проблемой исследования мы выделили два периода творческой деятельности Е.А. Евтушенко, в которых поэт наиболее часто обращается к изображению истории и современности: 1960–1970-е годы и 1990-е годы.

На основе проведенного анализа таких произведений, как «Монолог американского писателя» (1960), «Бабий Яр» (1961), «Сказка о русской игрушке» (1963), а также поэма «Голубь в Сантьяго» (1978), можно обрисовать черты лирического героя поэзии Е.А. Евтушенко почти двух десятилетий. Человек эпохи «шестидесятников» в первую очередь является гражданином своей страны – сильной, могучей державы, защищающей интересы угнетенных народов и уважающей право собственных граждан быть несогласными с проводимой политикой. А люди, населяющие это государство, – романтики в душе, тем не менее они трезво оценивают происходящее вокруг. Звучит уверенность, что следующие поколения будут не такими инфантильными, определятся с тем, кто они в этой жизни.

После распада страны Советов гражданская лирика Евтушенко меняет свое настроение едва ли не каждый год. В таких произведениях, как «Потеря» (1991), «Прощание с красным флагом» (1992), «Похороны Окуджавы» (1997), поэма «Тринадцать» (1993–1996) и др., выделяется два типа героев. Первое типичное для российской действительности 1990-х годов лицо – новоиспеченный бизнесмен, стремящийся к обогащению. Этот тип характеризуется аморальностью, наглостью, расчетливостью и равнодушием ко всем живущим и к своей стране. Второй тип – «ребенок в толпе», оставшийся без взрослых. Эти люди растерянны, оглушены случившимися переворотами, угнетены, боязливы. Они еще не представляют, что можно делать со своей свободой, но уже чувствуют, что неотвратимо грядет новая действительность, к которой придется приспособливаться. В целом же в поэзии 90-х годов слышится горечь,

боль, страх за соотечественников, потерявшихся в этой толкучке, водопаде идей и возможностей, ощущается некая общая растерянность и задумчивость.

Несмотря на четко выявляемые авторские позиции и настроения, определить, какое время предпочтительнее для Евтушенко, непросто. Во-первых, для этого мало материала. Покинув Россию в 1991 году, сам поэт не может объективно ответить на заданный вопрос, так как непосредственного соприкосновения с реальностью нет. Во-вторых, поэзия Евтушенко не дает однозначной оценки. Другими словами, поэт не намеревается ставить клеймо «хуже» или «лучше». Поэт – современник и той, и другой России – России до распада СССР и России в перестроечную и постперестроечную эпоху. Поэт видит их со всеми достоинствами и недостатками. И в его сознании одна эпоха не превосходит другую. Е.А. Евтушенко сожалеет о Советском Союзе лишь как о мечте о безупречном мире. Ушедшая невозвратно пора строительства коммунизма лишь веха в истории, на смену которой по исторически объективным причинам пришла другая. Поэт не воспринимает это как крушение всех надежд и не скатывается в разочарованное ворчание о «старых добрых временах». Конечно, поэт был ошарашен новой реальностью, это неоднократно повторяется в стихотворениях первых лет после распада. Возможно, это повлияло на его отъезд. Так или иначе позднее Е.А. Евтушенко находит и определенные плюсы в уже демократической России. Для него все случившиеся события являются следствием естественного хода истории.

А.Н. Шибанова

Вятский государственный гуманитарный университет

О художественном своеобразии романа Р. Зотова «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона»

Р.М. Зотов (1796–1871) – писатель, переводчик, критик и мемуарист – является автором ряда исторических романов. Первый из них – «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона» (1832) – Зотов

приурочил к 20-летию юбилею Отечественной войны 1812 г., участником которой он был.

Современная Зотову критика относилась к роману неоднозначно. Белинский называет его «исторической живописью на лубке». Однако были и другие оценки. «Исторический вестник» публикует рецензию некоего М-ва, который отмечает достоинства романа: автор изображает здесь жизнь общества, критикует крепостнические порядки. Зотов характеризуется как писатель, «проводящий в своих романах научные и прогрессивные принципы».

Современный исследователь В.Ю. Троицкий также отмечает положительные стороны романа, указывая, например, на тот факт, что Л.Н. Толстой пользовался им при создании «Войны и мира».

Романную модель Зотов берет у Вальтера Скотта. В центре повествования у Скотта обыкновенно выступает благородный, но заурядный молодой человек, оказавшийся между двумя враждующими сторонами. Исторические персонажи в романе появляются, но это фигуры, необходимые для придания завершенности сюжету. Они важны в судьбе героя, но это герои второго плана. Действуют в произведении и «таинственные помощники», слуги – персонажи, поддерживающие главного героя. Говорить об исторической верности не стоит, так как Скотт свободно домысливает и частично видоизменяет исторический материал.

События, происходящие в романе Зотова, охватывают семь лет: действие начинается в 1806, а завершается в 1813 г. Открывает роман небольшая зарисовка из жизни города, характеризующая автора как человека наблюдательного. Исследователи уже в XXI веке отмечают, что Зотов достоверен в описании Москвы, города, с одной стороны, имеющего великую историю, но с другой, уже приходящего в упадок. В целом местный колорит Зотов создает довольно умело, особенно ярко это проявляется в сценах сражений.

Автор использует различные приемы для создания увлекательности. Он насыщает повествование авантюрным материалом, сочетая драматизм изложения с комичными сценами и ироничными замечаниями. Каждая глава начинается с повествования о новом событии, представляет отдельный, законченный эпизод, слайд. Это придает динамику развитию событий, поддерживая неослабевающий интерес читателя.

Зотов впервые в отечественной прозе пытается создать исторически и психологически верный образ Наполеона, при этом он оценивает его достаточно объективно, отмечая как положительные, так и отрицательные результаты его деятельности.

Наполеон в романе не просто действующее лицо второго плана. Зотов пытается наделить образ определенными чувствами, переживаниями. Автор показывает душевные метания императора перед объявлением войны с Россией: он, возможно, предчувствует неудачу, но делает этот шаг, чтобы замкнуть «цепь всеобладания», которой он опоясал Европу. Когда он видит, что все мечты его разрушены и не остается ничего, кроме отступления, он уподобляется путнику, застигнутому бурей, и встречает ее «спокойно и хладнокровно». Пожар Москвы, «смесь варварства и героизма», приобретает фатальный, переломный характер в судьбе правителя: «Гений его <...> в каком-то оцепенении».

В романе мы видим и наличие морального начала, которое прослеживается в авторских отступлениях и размышлениях героев: Зотов говорит не только о патриотизме, но ставит вопрос о том, возможно ли убийство многих ради целей одного человека.

Этот роман был популярен в XIX в., выдержав четыре издания. Переиздавался он и в конце XX в. – в 1990 и в 1996 гг. Объяснить эту популярность можно тем, что в романе Зотова наблюдается удачное сочетание исторической фактографии с детективным началом, с точными, натуралистически достоверными зарисовками быта и сражений, делается удачная попытка создать психологически верные характеры вымышленных персонажей и исторических деятелей. Все это делает прозу Зотова интересной и в наше время, живым отголоском героической эпохи русской истории.

ЯЗЫК И РЕЧЬ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ

Ю.В. Грумеца

*Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина*

Анализ путей обогащения лексического состава современного французского молодежного языка (*langue des cités*) на основе текстов современной рэп-поэзии

Последние десятилетия (начиная с середины 90-х гг.) во Франции наблюдается распространение новых форм общения, практикуемых молодежью и, в частности, молодыми людьми с неустойчивым социальным положением, считающихся маргиналами по разным причинам (территориальная (проживание в пригородах, HLM), этническая, культурная или социальная обособленность).

Эти формы общения могут быть обозначены термином «молодежный социолект», который рассматривается как особая подсистема национального языка, функционирующая в процессе коммуникации определенной возрастной категории носителей французского языка (молодежи). Эта подсистема характеризуется преобладанием сниженной эмоционально-оценочной лексики и основывается на общей для всех стилей системе фонетических, грамматических и лексических средств.

Благодаря тому, что молодежный социолект становится все более престижным и модным, возрастает частотность употребления его элементов, в том числе и в литературном языке.

Особое внимание среди лингвистов уделяется рассмотрению социального аспекта молодежного языка: такие специалисты, как Ж.-П. Гудайе, С. Тримай и Ж. Бийе (Jean-Pierre Goudaillier, Cyril Trimaille, Jacqueline Billiez), выделяют *langue des cités* (*argot des cités*, *parler jeune*), который является одной из форм языка (по территориальному признаку). Это язык, на котором общаются жители пригородных

районов крупных мегаполисов (Париж, Марсель, Лион), своеобразный язык-посредник между собственно французским языком и языком иммигрантов, составляющих подавляющее большинство населения таких районов.

Langue des cités имеет специфические особенности лексического обогащения, разную продуктивность средств пополнения его словаря, что имеет несомненное значение для характеристики данного социолекта.

Нагляднее всего типичные языковые средства языка *cités* представлены на форумах в Интернете, в фильмах о молодежи и в текстах рэп-исполнителей (NTM, Youssoupha, Oxmo Puccino, Sexion d'Assaut и др.). Тексты исполнителей рэп-поэзии богаты заимствованиями из арабских, африканских и других языков (в зависимости от происхождения того или иного поэта), а также словами из лексикона молодежи того или иного квартала. Благодаря распространению рэп-музыки через современные каналы связи, современный молодежный язык пробивает себе дорогу к повседневному языку. Таким образом, он может выступать посредником, который экспортирует лексику обособленной группы (молодежь из пригорода) в широкие массы.

Лексико-стилистический анализ словарного состава текстов парижской рэп-группы Sexion d'Assaut позволяет сделать вывод о том, что большая часть словарного состава, используемого в *langue des cités* (более 50 %), приходится на долю *верлана* (от фр. *à l'envers* 'наоборот'). Верлан – это способ трансформации лексических единиц, заключающийся в перестановке слогов в обратном порядке. Вот строго устоявшийся слой верланизированной лексики, используемой повсеместно в кварталах с преобладанием иммигрантского населения: *re-noi* (*noir* 'черный, африканец'), *meuf* (*femme* 'женщина'), *te-bé* (*bête* 'дурак'), *tasse-pé* (*pétasse* 'девушка'), *tess* (*cité* 'город'), *tié-quart* (*quartier* 'квартал, район'), *àl* (*là* 'здесь'), *aç* (*ça* 'это').

Лексические единицы, принадлежащие традиционному французскому аргю и англо-американскому сленгу, занимающие второе по количеству примеров место в творчестве группы Sexion d'Assaut (около 20 %), можно распределить по следующим лексико-семантическим группам (ЛСГ):

• тюрьма и полиция; правосудие (placard (шкаф в значении ‘тюрьма’), taule (‘тюрьма’), (ex)taulard (‘заключенный’), ballon (‘тюрьма’), keuf (верлан от flic ‘полицейский’), condé, shtar (лексемы, также служащие для называния представителей правопорядка));

- наркотики (bédo, garo, pétard ‘сигарета с марихуаной’);
- деньги (bif(f), thunes, mailles, loves (вариант lovés), blé, oseille, fric).

Остальная лексика приходится на долю заимствований из арабских языков стран Магриба и английского языка. Так, помимо арабских слов le bled (‘родина’), kiffer (‘любить’) и др., давно вошедших в употребление, авторы песен вводят следующие заимствования: le seum (‘гнев’), la hass (‘нищета’), akhi (‘мой брат’; слово выполняет функции вводного слова), khabat (‘пьяный, напившийся’). Помимо артикля и характерного окончания -er, заимствованные глаголы могут приобретать и категорию возвратности: se khabat (‘напиваться’). При этом может радикально меняться значение слова: английский глагол to shoot (‘стрелять’), получив категорию возвратности во французском языке (se shooter), приобрел вместе с тем значение ‘колоть наркотик внутривенно’ (consommer de la drogue par intraveineuse).

Одной из отличительных особенностей langue des cités (по сравнению с традиционным арго) является широкое использование такого средства обогащения лексического состава языка, как *аффераза* (усечение начальной части слова): классическими являются примеры blème (problème ‘проблема’), leur (controleur ‘контролер’).

Несмотря на то, что многие примеры данной лексики являются авторскими, они отражают общую для молодежного французского языка тенденцию – намеренно «осложнить» конструкцию высказывания, сделать ее как можно более «неблагозвучной» для французской речи.

**Глаголы с общим значением ‘умереть’
в усть-цилемских похоронно-поминальных причитаниях:
лексикографический аспект**

Одним из направлений антропологической лингвистики, активно развивающихся в настоящее время, является лингвофольклористика и связанная с ней фольклорная лексикография, которая занимается словарным представлением устно-поэтического слова с точки зрения его семантических и грамматических особенностей.

Базовыми в этой области лингвофольклористики являются работы курских исследователей (во главе с А.Т. Хроленко) и московской исследовательницы русской народной культуры С.Е. Никитиной. А.Т. Хроленко и С.Е. Никитина в результате своих изысканий пришли к идее создания словаря языка фольклора по типу тезаурусного. Предметом описания в таком словаре является семантика фольклорного слова, которая должна представляться, по мнению лингвофольклористов, с одной стороны, через устойчивые, линейные связи фольклорного слова и, с другой – через регулярно повторяющиеся парадигматические замещения.

А.Т. Хроленко свой вариант словаря разрабатывает на материале лирических песен, С.Е. Никитина – на материале духовных стихов, частично привлекая также свадебные и похоронные причитания. И А.Т. Хроленко, и С.Е. Никитина считают целесообразным разграничивать язык поэтического фольклора и язык фольклора прозаического. Кроме того, они считают целесообразным составлять одножанровые словари и словари, однородные в диалектном отношении. Это обуславливает продуктивность и важность разработки таких словарей «на местах», с привлечением материала локальных фольклорных культур, например, на материале похоронно-поминальных причитаний Усть-Цилемского района Республики Коми.

Мы провели сопоставительный анализ структур словарных статей, разработанных А.Т. Хроленко и С.Е. Никитиной. На их основе мы вы-

работали свой вариант структуры словарной статьи. Инвариантными являются следующие пункты: количество употреблений заглавного слова, грамматическая информация (для глаголов это род, число, время, вид), встречающиеся в тексте варианты заглавного слова. В представлении объема грамматической информации мы придерживаемся мнения С.Е. Никитиной: даём грамматическую характеристику слова шире – через выявление тезаурусных функций. Кроме того, в перечень частей речи слов, с которыми соотносится заглавное, мы посчитали целесообразным добавить также местоимение, а в перечень тезаурусных функций, предложенный С.Е. Никитиной, – функцию ‘время’.

Рассмотрев встречающиеся в причитаниях лексемы, называющие процесс умирания, и составив для каждой из них словарные статьи, мы можем дать им следующую общую характеристику.

Самыми часто встречающимися словами данной группы в текстах усть-цилемских причитаний стали лексемы *убраться, снарядиться, укатиться*. Примерно половина из выявленных глаголов употребляется в единичном случае. К таким словам относятся глаголы *погинуть, собираться, улететь, уйти, умереть*.

Ключевые глагольные лексемы похоронно-поминальных причитаний, которые мы рассматриваем, практически не имеют вариантов. Они были встречены нами только в единичном случае – у слова *снарядиться*. Это такие варианты: *споржаться, сряжаться, подряжаться*.

В основном все глаголы употребляются в форме 2 лица единственного числа совершенного вида в прошедшем времени. Наиболее чётко просматривается связь глаголов данного семантического поля с именем существительным, местоимением и наречием.

Имя существительное может выполнять в текстах причитаний тезаурусную функцию локуса, т.е. указывать на то место, куда отправляется человек после смерти. Можно привести для примера наиболее часто встречающиеся в причитаниях выражения: *во путь, во дорожечку*. Причём в некоторых случаях локус обозначается через отрицательные конструкции типа *не на холмы, не в ту путь-дорожечку*. Также имя существительное может употребляться в функции субъекта действия: это лексемы *кормилица, господарыня, лебедь* и др.

Функции, выполняемые местоимениями, не отличаются от функций существительных: функции локуса и субъекта. Глаголы в причитаниях выступают в форме 2 лица, поэтому высокочастотным является местоимение *ты*. Локус, представленный местоимением, обозначается, как правило, выражением *от нас*.

Местоимения *наш, мой* вмещают в себя значение имени существительного в функции обращения, которое всегда обнаруживает себя в предшествующих строках текста. Как правило, такое местоимение занимает серединную позицию и разбивает строку на вопросительное местоимение и глагольную форму: *Ты кормилица, мати родимая, / А господарыня, жалость сердечная, / А ты куды, моя, да снарядилася / А ты куды, моя, да сподобилася*.

Наречия выполняют тезаурусную функцию образа действия (*круто, скоро*), а также тезаурусную функцию времени (*не во-время, не во-пору*).

Характерной чертой анализируемых глаголов является и то, что они обнаруживают себя преимущественно в ассоциативном комплексе, который представлен глаголами той же тематики и в той же грамматической форме: *Уж ты не тут моя да снарядилася, / Уж ты не тут моя да сподобилася*. (РНБЛ, с. 82).

При описании лексем фольклорного текста довольно продуктивно применять лексикографический метод. Необходимо понять, какое значение приобретает слово в конкретном контексте фольклорного произведения. Поэтому через раскрытие отношений исследуемого слова с рядом стоящими лексемами и через грамматическую форму данного слова мы выясняем его смысл для данного текста. Далее информация структурируется в виде словарной статьи, что в свою очередь способствует ясности и удобству для дальнейшей работы со словом. Значение глагола в фольклорных текстах и в литературном языке может отличаться, и словарная статья также позволяет чётко увидеть эти отличия.

Семантическое поле «зеленый цвет» в русском языке

Антропоцентрический принцип языка отражается в его лексико-семантической системе, так как для описания свойств предметов язык в качестве точки отсчета использует человека, его представления и ассоциации о мире. Человек пытается соотнести цветообозначение с реалиями окружающего мира, и это определяет сложное устройство цветовой картины мира. Даже на примере одного цвета можно увидеть, что наименования зеленых оттенков образуют многочисленную, разветвленную структуру, представленную в языке в виде семантического поля.

Семантическое поле – это иерархическая структура множества лексических единиц, объединённых общим (инвариантным) значением» (Ю. Караулов). Структура поля состоит из ядра, центра (приядерной зоны) и периферии. Под ядром понимается лексическая единица (или несколько единиц), выражающая его общее значение, архисему. Языковые единицы, расположенные на периферии, обладают более сложным, насыщенным, специализированным содержанием и тесно взаимодействуют с членами смежных полей.

Зеленый цвет определяется как ‘один из цветов солнечного спектра, находящийся между желтым и голубым’. Множество оттенков цветового спектра разной интенсивности, яркости и контрастности образуют семантическое поле, объединенное архисемой ‘зеленый цвет’.

Ядро семантического поля состоит из лексических единиц *зелёный* и его производных.

Центр и периферию поля можно представить в виде лексико-семантических групп на основании дифференциального признака ‘наличие или отсутствие дополнительного тона’: ‘собственно зеленый’, ‘зеленовато-желтый’, ‘зеленовато-коричневый’, ‘зелено-голубой’, ‘зелено-серый’.

Центр поля образует ЛСГ ‘собственно зеленый’, которая разделяется на подгруппы на основе дифференциального признака ‘степень насыщенности, яркости, светлоты оттенка’: ‘ярко-зеленый’, ‘светло-зеленый’, ‘бледно-зеленый’, ‘темно-зеленый’.

а) подгруппа ‘ярко-зеленый’: *еринной, муравный, мурогий, залёжешенький, травяной, изумрудный, смаградовый, малахитовый, свежезеленый, попугайный* и др.;

б) подгруппа ‘светло-зеленый’: *нефритовый, праземный, хризопразовый, вердепомоновый, капустный, осиновый* и др.;

в) подгруппа ‘бледно-зеленый’: *назельньный, салатный, возеленый, муровый, сузеленый, фисташковый, селадоновый* и др.;

г) подгруппа ‘темно-зеленый’: *сузеленый, бутылочный, миртовый, склянковый, вердрагоновый, селезневый, выдровый, саламандровый* и др.

Периферия поля состоит из лексико-семантических групп ‘зеленовато-желтый’, ‘зеленовато-коричневый’, ‘зелено-голубой’, ‘зелено-серый’. Критерием для выделения периферии послужил тот факт, что данные колоративы могут включаться и в семантические поля других цветов.

ЛСГ ‘зеленовато-желтый’ представлена лексемами *гороховый, шпинатный, мердуа, вердепешевый, перидотовый, хризолитовый, салатовый, чижовый, шартрез*.

Внутри ЛСГ можно обнаружить дифференциальные признаки:

- доминирующий тон ‘желтый, зеленый оттенок’: *гороховый*;
- доминирующий тон ‘зеленый, желтый оттенок’: *вердепешевый, шартрëз*;
- ‘с коричневым оттенком’: *мердуа*;
- ‘светлый’: *шпинатный цвет, чижовый*;
- ‘блестящий, яркий’: *перидотовый, хризолитовый, салатовый*.

Спектрально к жёлтому близок коричневый. Наименования *табачный, оливковый, бронзовый, офитовый, серпентиновый, болотный, тинный* составляют ЛСГ ‘зеленовато-коричневый’.

На основании дифференциальных признаков можно анализировать ЛСГ ‘зеленовато-коричневый’:

- доминирующий тон ‘коричневый, зеленый оттенок’: *табачный, бронзовый, оливковый*;
- ‘буро-зеленый’: *офитовый, серпантинный*;
- ‘буро-зеленый с дополнительными оттенками грязный с желтизной’: *болотный, тинный*.

ЛСГ ‘зелено-голубой’ включает в себя лексические единицы *празелёный, аквамаринный, аквамаринный, бирюзовый, берилловый, марин (марина), виардо, жандарм, жандарный*.

На основе дифференциальных признаков можно произвести классификацию данной лексико-семантической группы:

- ‘зеленый с синим оттенком’: *празелёный*;
- ‘голубой с зеленым оттенком’: *аквамаринный, бирюзовый, берилловый, марин (марина), виардо*;
- ‘ярко-голубой с зеленым оттенком’: *жандарный*.

ЛСГ ‘серо-зеленый’ представлена оттенками: *бисквитный, вердигри, хаки, защитный, милитари*. На основании следующих дифференциальных признаков можно выделить подгруппы этой лексико-семантической группы:

- ‘доминирующий тон зелёный, серый оттенок’: *вердигри*;
- ‘светлый серо-зеленый’: *бисквитный*;
- ‘серовато-зеленый с коричневым оттенком’: *защитный, хаки, милитари* и др.

Всё представленные единицы семантического поля ‘зеленый цвет’ не являются чем-то изолированным. Тесно переплетаясь друг с другом, они образуют сложную систему, где за каждым элементом закреплено особое значение.

Лексико-фразеологические взаимосвязи в сфере синонимии русского языка

Фразеологическая синонимия находит отражение прежде всего во фразеологических словарях русского языка. Например, во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А.И. Молоткова есть примеры с указаниями на синонимы к тем или иным фразеологическим единицам (эти указания даются в конце словарной статьи), ср.: *С пьяных глаз* – ‘будучи в нетрезвом виде, в состоянии опьянения (делать что-либо)’, синоним *По пьяной лавочке*. В «Словаре-справочнике по русской фразеологии» под ред. Р.И. Яранцева фразеологические синонимы также располагаются в конце словарных статей, например при фразеологизме *Мурашки бегают по спине* (у кого) со значением ‘ощущается озноб, вызванный чувством испуга, сильного страха, ужаса, волнения, возбуждения’ помещен синоним *Мороз по коже продирает* (у кого, чьей).

Есть и специализированные словари, посвященные именно фразеологической синонимии, – это «Словарь фразеологических синонимов русского языка» под ред. В.П. Жукова и «Словарь фразеологических синонимов русского языка» под ред. В.М. Мокиенко. В них зафиксировано самое большое количество русских фразеологизмов, находящихся в синонимических отношениях.

Кроме названных словарей, существуют и другие лексикографические источники, в которых можно обнаружить фразеологизмы-синонимы. Так, в «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой представлены синонимические ряды, включающие не только лексический, но и фразеологический материал. Мы проанализировали те словарные статьи названного словаря, в которые автором были включены ряды фразеологических единиц, обозначающих человека. Эти ряды могут быть разделены на три группы в зависимости от того, отражены ли они в других словарях русского языка.

Во-первых, можно выделить группу фразеологизмов, синонимические отношения которых в «Словаре синонимов русского языка» отражены так же, как и в названных выше фразеологических словарях. Например: при слове АРИСТОКРАТ в словаре З.Е. Александровой приводятся выражения *голубая кровь* и *белая кость*, и оба эти выражения есть в словаре В.П. Жукова со значением ‘о представителях господствующих классов дореволюционной России, людях знатного (чаще дворянского) происхождения’.

Во-вторых, в «Словаре синонимов русского языка» можно выделить такую группу фразеологизмов, в которой синонимические отношения фразеологизмов представлены отлично от того, как это сделано в фразеологических словарях. Например: при слове ВЕРЗИЛА в словаре З.Е. Александровой приводятся выражения *коломенская верста* и *дядя достань воробушка*, в то время как в словаре В.П. Жукова синонимический ряд со значением ‘человек очень высокого роста’ выглядит иначе: в него входит только первое выражение (*верста коломенская*), за которым следует выражение *каланча пожарная*, отсутствующее в первом словаре.

В-третьих, в «Словаре синонимов русского языка» можно обнаружить находящиеся в синонимических отношениях фразеологизмы, которые совсем не представлены в фразеологических словарях. Получается, что названный словарь содержит новый фактический материал, не отраженный в иных лексикографических источниках. Например: за словом БОГАЧ в словаре З.Е. Александровой даются выражения *финансовый туз* и *денежный (золотой) мешок*, за словом ЖЕНЩИНА – фразеологизмы-синонимы *слабый (нежный, прекрасный) пол* и *женское (дамское, бабье) сословие*.

Таким образом, можно сказать, что вторая и третья группы фразеологических синонимов, представленных в словаре З.Е. Александровой, существенно дополняют перечень известных синонимических рядов фразеологизмов, уже зафиксированных в собственно фразеологических словарях.

Неофициальные урбанонимы г. Сыктывкара

Топонимика современного города в последнее время является предметом пристального изучения лингвистов. Названия городских объектов выполняют функцию ориентиров, позволяющих жителям города комфортно чувствовать себя в окружающем пространстве, и отражают историю конкретного города и страны в целом. Перечень городских объектов, подлежащих называнию и закреплению в сознании носителей языка, разнообразен: это улицы, площади, переулки, фирмы, магазины, аптеки, парки, памятники.

Объектом исследования стали неофициальные урбанонимы города Сыктывкара, возникшие по законам народного словотворчества и не закреплённые в документах. Материалом послужила живая речь сыктывкарцев и жителей Коми республики.

Прежде чем говорить об именах внутригородских объектов, обратим внимание на названия города – *астионимы*. Существует 2 официальных названия города: ныне действующее Сыктывкар и первоначальное Усть-Сысольск. К неофициальным названиям города относятся такие имена: *Сык*, *Сыр*, *Сыкушка*, *Сырик*, фиксируемые в устной речи горожан и в социальных сетях (*Кто на неделе едет Сык-Питер? Родной мой Сыкушка! В нашем Сыре ничего не купить!*). Данные названия сформировались путем усечения основ и последующей суффиксации, что обусловлено фактором речевой экономии. Языковая игра также является средством номинации астионима *Сундуквар*: *Я в Сундукваре всю жизнь жила*. Жители близлежащих населённых пунктов редко используют полное название города, в большинстве случаев в их речи звучит просто *кар* (у носителей коми языка) или *город* (у русскоязычных): *Аски ветлам карö?* (Поедем завтра в город?), *На каникулы ты поедешь в город или в Ухту?* Это, возможно, связано с наличием в сознании говорящих оппозиции «город – деревня», где ближайший город является значимым в их жизни локусом.

Хоронимы – неофициальные названия микрорайонов и жилых массивов. Сюда относятся усеченные традиционные названия микрорайонов: *Лесик* (Лесозавод), *Тентюки* (Тентюково). *Централка* – так называется центральная часть города, район пересечения улиц Коммунической и Первомайской, название образовалось путем метонимического переноса (ранее здесь была гостиница «Центральная»).

Годонимы – неофициальные названия городских линейных объектов: улиц, переулков, проспектов, проездов. *Коммуна* – ул. Коммунистическая, *Кырла Мырла* – ул. Карла Маркса, *Порты* – ул. Банбана, одна сторона которой примыкает к территории аэропорта, на которой проживают большей частью работники аэропорта (*Толик живет в Портах*).

Агоронимы – неофициальные наименования площадей города. Стефановскую площадь называют *Стефановка* или *Площадь*. Площадь Ломоносова жители города редко называют по официальному имени, чаще используют имя *Фонтаны* (*Подожди меня на Фонтанах*).

Названия отдельных зданий и комплексов зданий. Часто такие названия образуются путем метафорического переноса, основанного на внешнем сходстве именуемого объекта: *Свечка*, *Сковородка*, *Петушки*, *Пентагон*. Названия могут быть образованы посредством метонимии: *Башня* – здание по улице Первомайской, в котором раньше находился клуб «Башня»; *Женский монастырь* – общежитие пединститута, большинство живущих студентов в котором девушки.

Названия мемориальных сооружений – неофициальные названия памятников культуры, парков, скверов. Памятник воинам-афганцам называют *Афганцем* (*Прохожу мимо Афганца*), памятник Ленину – *Лысым* (*Встретимся у Лысого*). Значимый ориентир города – «Монумент трудовой славы» – называют *Три пера*, а район, расположенный рядом, – *Кольцо*. Часы на центральном перекрестке называют *Биг-Бен* (*У Биг-Бена был концерт*).

Таким образом, при номинации городских объектов в народной речи самыми востребованными являются приемы метонимии, метафоры, языковой игры. Большинство неофициальных урбанонимов носит экспрессивный характер.

Лексико-семантическая группа 'наименования лиц по характеру речи' в говоре с. Лойма Прилузского района Республики Коми

Одним из наиболее актуальных и разрабатываемых вопросов современного языкознания является исследование системных отношений языковых единиц как на материале разных языков, так и на материале разновидностей одного языка.

Определенный интерес представляет изучение специфики лексико-семантической системы отдельных говоров. Предметом нашего исследования является лексика говора села Лойма Прилузского района Республики Коми.

На основе сплошной выборки из картотеки говора с. Лойма, хранящейся в Научно-образовательном центре «Духовная культура европейского севера России», были выявлены лексемы, составляющие группу 'наименования лиц по характеру речи'.

В свою очередь лексические единицы можно разделить на четыре подгруппы на основе дифференциальных признаков, выявленных в структуре лексического значения слов: 'человек, который говорит неправду', 'сплетник', 'болтун', 'человек, который характеризуется как мало и редко говорящий'.

В первой группе существительных можно выделить такие лексемы: *бахвал*, *врахваль*, *враль*, *темнило* и др. Рассмотренные лексемы находятся в отношениях синонимии, однако можно заметить, что в лоемском говоре в составе лексического значения слов проявляется сема 'лгать, похваляясь, хвастаясь'. Лексема *бахвал* имеет аналог в литературном языке, поэтому ее можно считать влившейся в говор. Внутренняя форма лексемы *врахваль* образовалась от соединения сем 'врать' и 'хвалиться'. Из этого можно сделать такой вывод, что лексемы кроме своего основного значения 'лгун' имеют дополнительный оттенок 'хвастун'.

Подгруппа со значением 'человек, который говорит неправду' соотносится с подгруппой с общим значением 'сплетник'. Такие отношения можно называть включающими: это обосновывается тем, что значение 'сплетник' включает в себя значение 'человек, который говорит неправду'.

Подгруппа 'сплетник' включает в себя такие лексемы: *болтуха*, *болтушка*, *ляпкун*, *ляпун*, *переводник*, *перегребух* и др. Слова *переводник*, *перегребух*, являющиеся семантически и стилистически тождественными, различаются внутренней формой, то есть образом, формирующим представление о понятии. Совпадая семантически и стилистически, они отличаются мотивационно. Лексему *переводник* можно характеризовать так, что человек переводит одну мысль в другую, изменяя её так, что она становится ложью. Лексема *перегребух* может означать действие того, что кто-то перегребаёт, роется в чём-либо. Это значит, что в сознании говорящего возникают разные образы, связанные с процессом говорения.

Третью подгруппу слов, обозначающих болтливую человека, составляют лексемы *баюн*, *баяльник*, *болонь* и др. Слово *болонь* в значении 'болтун' является переносным, так как в лоемском говоре используется слово *болонь* в значении 'рыхлая, пористая древесина, в которой практически нет смолы, поэтому она быстро загнивает'; это формирует значение семой 'незначительность, бесполезность речи'.

Четвёртая подгруппа слов, обозначающих неразговорчивую человека, включает в себя лексемы *багай*, *немтыш* и др. Эта подгруппа обнаруживает антонимические отношения с предыдущей.

Итак, лексико-семантическая группа 'наименования лиц по характеру речи' довольно широко представлена в говоре с. Лойма. В группе выделяются несколько подгрупп, которые обнаруживают разные виды оппозиций – отношения синонимии, антонимии и включения. Лексемы, составляющие данную лексико-семантическую группу, имеют разную степень употребительности – от общерусских (*болтун*, *говорливый* и др.), общедиалектных (*баюн/баюнья*, *немтыш* и др.) до собственно лоемских (*переводник*, *перегрёбух*, *багай* и др.)

Синее небо – темное или светлое: цвет неба в представлении славян и финно-угров

Б. Берлин и П. Кей (1969) установили, что практически в любом языке существует группа слов (базовых цветообозначений) для номинации определенных цветов – прототипов. Эти прототипы примерно одинаковы для представителей различных национальностей, и цветообозначения, используемые для номинации прототипических цветов, примерно соотносимы по семантике. Однако исследование производных от данных прилагательных показывает, что, обозначая примерно один и тот же цвет, данные слова имеют некоторые различия в значении.

В качестве материала мы взяли слова, являющиеся дериватами славянских и финно-угорских цветолексем, обозначающих синий цвет. В докладе рассматриваются дериваты данных прилагательных, связанные с семантической областью ‘небо’.

В русском языке и его диалектах дериваты рус. *синий*, как правило, используются для обозначения туч (*синина* ‘дождевая туча’, *синь* ‘темная дождевая туча; серо-синее предгрозовое облако’) и наступления непогоды (*засиниваться* ‘покрываться дождевыми иссиня-черными тучами (о небе)’, *синéет погода* ‘о появлении темных дождевых туч’). Очевидно, что слова второй группы являются семантическими производными от слов первой группы. Но есть и дериваты, которые обозначают непосредственно небо, как темное, так и светлое (*сiнiяя покрышка раскрывається* ‘по суеверным представлениям – явление разверзающегося ночью неба’; *рассiниваться* ‘проясняться, начинать светлеть, синеть (о небе)').

Что касается других славянских языков, то в них, напротив, обнаруживается большое количество дериватов, обозначающих непосредственно небо, без конкретизации его цвета или состояния: н.-луж. *módrina* ‘синева, в особенности синева неба’, пол. *blekit* перен. часто во мн. ‘небо’. Есть

также слова, обозначающие светлое небо: в.-луж. *wumódrić so* ‘посинеть, стать голубым, проясниться (о небе)’, словен. *ko sine dan* ‘на рассвете, когда начнет рассветать’. Слова, обозначающие наступление непогоды, также представлены в славянских языках. Однако если в русском языке слов с данной семантикой довольно много, то в других славянских языках мы обнаружили только два слова с семантикой ‘наступление непогоды’. Это блр. *sinéць* ‘заволакиваться тучами’ и срб.-хорв. *сињава* ‘облачный, хмурый’.

Если мы рассмотрим группу финно-угорских языков, то увидим, что в них дериваты от прилагательных со значением ‘синий цвет’ используются, как правило, для обозначения непосредственно самого неба: фин. *sinitaivas* ‘синее (голубое, лазурное) небо’, мар. *канде кава* ‘синее небо’. Однако финно-угорские дериваты имеют тенденцию обозначать скорее светлое, ясное небо. На это указывает дефиниция к одному из венгерских выражений: венг. *ég (lassan) kékké válik* ‘небо голубеет’. Обратим внимание, что при переводе данного выражения используется глагол, производный от рус. прил. *голубой* (а не *синий*). Более того, в финно-угорских языках существует группа производных от названий синего цвета, имеющая семантику ‘заря, рассвет’: коми *лӧз югыд* ‘предрассветная дымка; утренняя синева’ (букв. синий свет), морд. мокш. *сенем валдоня* ‘рассвет, заря’ (букв. синяя зорька). Примечательно, что в славянских языках лексем с подобной семантикой практически не обнаруживается. Слова, обозначающие темное небо и непогоду, немногочисленны: карел. *sindiiö* ‘синеть, темнеть; становиться синим или темным’, венг. *kékes szürkületben* ‘в синеватом сумраке’.

Таким образом, анализ дериватов славянских и финно-угорских прилагательных со значением ‘синий цвет’ показывает, что в финно-угорских языках синий цвет применительно к небу в подавляющем большинстве случаев воспринимается как светлый. В большинстве славянских языков можно наблюдать похожую картину. Исключением является лишь русский язык, в котором дериваты прил. *синий*, как правило, употребляются по отношению к пасмурному, темному небу.

Лексикографическое и психолингвистическое значение наименований животных и птиц

Согласно А.Р. Лурии, значение – это объективно сложившаяся в процессе истории устойчивая система обобщений, стоящая за словом, одинаковая для всех людей. Эта система может иметь только разную глубину, обобщенность, широту охвата обозначаемых предметов, но она обязательно сохраняет неизменное ядро – определенный набор связей.

Лексические значения фиксируются в словарях посредством словарной дефиниции, которая в целом не отражает психологически реальное значение конкретных наименований и не должна этого делать в соответствии с поставленными задачами толкового словаря.

По мнению Р.М. Фрумкиной, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой толкование понятия максимально приближено к тому, как склонны понимать слово носители русского языка, т.е. «к тому, что имеет место в нашей психике на самом деле».

Однако психолингвистические эксперименты доказывают, что значение в сознании носителя языка почти всегда оказывается глубже и объёмнее того, которое представлено в словарях. Поэтому следует говорить о существовании психологически реального (психолингвистического) значения слова. Под психолингвистическим значением, в отличие от концепта, мы понимаем упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Значение и концепт – явления когнитивной природы, представляют собой результат отражения и познания действительности сознанием человека, но это продукты деятельности разных видов сознания: значение – продукт языкового сознания, а концепт – продукт когнитивного сознания. Значение по отношению к концепту выступает как его часть, которая регулярно называется в обществе языковым знаком.

В исследовании наименований животных и птиц были использованы разнообразные психолингвистические методы, такие как свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, метод субъективных дефиниций, метод Э. Бендикса, экспликативный эксперимент, завершение экспериментальной фразы, минимальный и полный компонентный анализ, внутрилексемное сопоставление семем, лингвистическое интервьюирование.

В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой словарная дефиниция *бегемот* включает такие признаки, как ‘млекопитающее’, ‘парнокопытное’, ‘крупное’, ‘ареал обитания – Африка’, ‘леса возле рек и озёр’. Словарные дефиниции в других толковых словарях включают идентичный набор семантических компонентов, но в словаре под ред. С.А. Кузнецова и в словаре под ред. Т.Ф. Ефремовой указывается ещё такой признак, как ‘массивное туловище’ и ‘короткие ноги’.

При компонентном анализе в структуре значения слова были выделены следующие компоненты:

Архисема – ‘животное’.

ДС – ‘крупное’: по сравнению с оленем ‘средних размеров’; ‘обитает в Африке’: по сравнению с бурундуком ‘обитает в Северной Америке’; ‘живёт близ рек и озёр’: по сравнению с белкой ‘живет в лесах’; ‘парнокопытное’: по сравнению с носорогом ‘непарнокопытное’ и др.

ПС – ‘неуклюжесть’, ‘неповоротливость’, ‘тяжесть’.

Опрошенными названы такие признаки, как ‘африканское животное’, ‘больших размеров’, ‘скользкий’, ‘большие зубы’, ‘любит купаться’, ‘толстокожий’, ‘пузатый’. Ни в одном толковом словаре не упоминаются признаки: ‘скользкий’, ‘большие зубы’, ‘пузатый’, ‘любит купаться’.

Анализ словарных дефиниций позволил обнаружить такие из них, которые можно назвать неинформативными, т.е. дефиниции, по которым трудно понять, о каком животном (какой птице) идёт речь, например: ‘хищная, сильная птица из семейства соколиных, с изогнутым клювом, живущая в гористых или степных местностях’ – *орёл* (однако можно подумать и о соколе, и о сапсане).

Многие существенные, с точки зрения носителей языка, признаки в словарные дефиниции не попадают: *енот* – ‘с полосками на спине’, *рысь* – ‘с кисточками на ушах’, ласточка – ‘с раздвоенным хвостом’ и др.

Проанализировав словарные дефиниции в современных толковых словарях и реальные значения слов, мы пришли к выводу, что психолингвистическое значение слова шире и объёмнее лексикографического значения слова; в словарной дефиниции часто не указываются те признаки, которые являются существенно важными для носителей языка. В то же время толкования наименований птиц и животных в словарях включают информацию научного, энциклопедического характера, не всегда важную для употребления слова в речи.

К.Н. Сергеева

*Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина*

Семантический объем слова *тёплый* как отражение русской языковой картины мира

Под картиной мира понимается совокупность знаний и мнений человека о действительности, об окружающем его мире. По определению Б.А. Серебренникова, это «исходный глобальный образ мира, который лежит в основе мировидения человека, репрезентирующий существенные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека».

Понятия «картина мира» и «языковая картина мира» соотносятся как целое и часть. Языковая картина мира – это запечатленное языком субъективное восприятие действительности, это отражение ненаучного понимания человеком окружающего мира и одновременно средство конструирования мира в сознании человека.

В данной работе представлены результаты наблюдения над семантическим объемом слова «тёплый» в русском языке как отражением языковой картины мира. Семантический объем слова рассматривался в

диахроническом и функциональном аспектах, то есть были учтены все значения слова *теплый* и его производных и в истории русского языка, и в разных формах существования русского национального языка. Для этого были привлечены данные словарей разных типов, в частности толковых словарей, словарей русского жаргона, словарей древнерусского языка и русских народных говоров и других, также были привлечены русский и славянский ассоциативные словари.

Актуальность обращения к семантическому объему слова *теплый* в русском языке заключается в том, что, по наблюдениям учёных разных областей знания, действительность в языковой картине мира описана не в физических категориях, а качественных, то есть в категориях качества предметов, явлений и т.д. Качественный признак «тёплый» – один из важнейших критериев описания и оценивания действительности.

Ученые, занимающиеся исследованием русской ментальности и культуры (в том числе Б.А. Успенский, В.Н. Топоров, В.В. Колесов и др.), пришли к выводу, что русскому культурному сознанию характерна дуальность. Это косвенно нашло отражение в таком свойстве, как полярность суждений русского человека о том или ином явлении. Это, по мнению В.В. Колесова, происходит оттого, что суждения опираются не на рассудочно однозначное понятие, а на душевный образ или духовный символ явления действительности. Духовный символ, в свою очередь, это выражение идеи или, иначе, идеального образа явления. Именно поэтому ментальное понятие «тёплый» нельзя считать чем-то средним между горячим и холодным, оно неизбежно будет выражать идею либо горячего, противопоставленного холодному, либо холодного, противопоставленного горячему.

Исследование семантического объема слова *тёплый* в русском языке находит подтверждение этой мысли.

Прямое значение слова «тёплый» в русском литературном языке – температурное. Оно отражает условно объективное восприятие признака – средней нагретости, не обжигающее. Однако и в такой «температурной» семантике слово *теплый* не воспринимается однозначно. Например, в употреблении «*Поешь – еда еще теплая*» слово *теплая* тяго-

теет к значению ‘горячая, обработанная высокой температурой’, т.е. годная к употреблению и противопоставленная холодному – уже не годному в пищу без подогрева.

Более выразительными являются многочисленные семантические производные слова *тёплый*.

В общей сложности были выявлены 9 лексико-семантических вариантов этого слова в русском национальном языке: 1) богатый; 2) преданный, любящий; 3) усердный; 4) комфортный, уютный; 5) добрый, ласковый; 6) смелый; 7) обманный, хитрый; 8) слабый, медлительный, недостаточно умный; 9) пьяный; 9) опасный.

Можно заметить, что в семантическом пространстве слова *теплый* обнаруживается энантиосемия – внутренняя антонимия: одни лексико-семантические варианты этого слова в русском языке тяготеют к образу холодного, в других – горячего.

Здесь надо заметить, что понятие «холодный» в русской языковой картине мира имеет отрицательную коннотацию и связывается с негативными для человека проявлениями. Отрицательную окраску обнаруживают такие лексико-семантические варианты слова *теплый* и производные с корнем *-тепл-*: *плутоватый, хитрый, склонный к авантюрным проделкам, мошенничеству, медлительный, неумный, несообразительный, пьяный*. Негативная характеристика предмета обнаруживается в таких употреблениях, как *тёплые болота, тёплые* (‘грозовые’) *облака*, а также *тёплый чай, тёплое пиво* как характеристика напитков, недостаточно приятных на вкус (ср. у русских это горячий и горячительный напитки). Таким образом, можно заметить, что в семантическом пространстве слова *теплый* явно прослеживается связь с идеей холодного – ненормального и опасного, вследствие этого осуждаемого. Здесь можно вспомнить и такое выражение в русском языке *Сказать пару теплых* – обругать.

Ко второму, горячему полюсу, тяготеют такие лексико-семантические варианты, как *приятный, добрый, радушный, богатый, щедрый, уютный, преданный, усердный, искренний*, а также употребления *где тепло, тут и добро; сугрева теплая* ‘о доброй женщине’.

Таким образом, идея *теплого* в русской языковой картине мира вместила в себя оба полюса общего понятия о качестве жизни, став синкретичным выражением целостности жизни. Здесь показательной является такая русская поговорка – *Из одного рта и тепло и холодно*.

А.Н. Старцева
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

Человек в зеркале устойчивого сравнения

Сравнение – самый древний вид интеллектуальной деятельности, предшествующий счету (Э. Сепир). Культура неотделима от сравнения, а сравнение от культуры, ибо сравнение в широком смысле – это проблема тождества и различия.

Человек может сравниваться с животными (*как рыба*), сказочными, мистическими персонажами (*как дьявол*), неодушевленными и неживыми предметами (*как робот*), природными явлениями и растениями (*как лёд, как березка*) и собственно с людьми (*как акробат*).

С точки зрения того, что именно характеризуется с помощью сравнений, выделяются следующие группы: внешность; черты характера; поведение; динамические характеристики; межличностные отношения; умственные способности.

В группе устойчивых сравнений, характеризующих *внешность человека*, выделяются следующие компоненты: волосы, глаза, голова, фигура, рост, живот, лицо, ноги и т.д. Носитель языка может дать оценку через сравнение, выделить качества человека. Рассмотрим подробнее такой пример: *длинноногий как аист* ‘О человеке с очень длинными и худыми ногами’. Непропорционально длинные ноги вызывают у людей удивление. Чтобы акцентировать внимание именно на длине ног, в качестве основания сравнений выбираются такие компоненты, которые в

сознании носителей языка рождают ассоциации: обычно аист ассоциируется с длинными ногами.

При описании *черт характера, внутренних качеств человека* используются сравнения со следующими значениями: равнодушие; смелость; беспомощность, нерешительность; жестокость, злость; подлость; доброта; трудолюбие; любопытство. Примеры сравнений, характеризующих злого человека: *злая как ведьма; как черт; как сатана*. Все перечисленные персонажи – выдуманные и совпадают по значению в семантической категории ‘злой’, т.к. в литературе эти герои отрицательны. Подчёркивается такая злость людей, которая категорически противостоит добру. Сравняются люди, которые не способны на добрые поступки.

Сравнения могут помочь носителям языка выделить такие *поведенческие характеристики*, как: равнодушие, медлительность; эгоистичность, самовлюбленность; дружелюбность, забота; ненормальное поведение; спокойное, бесшумное поведение; неловкость, безвыходность; трусость; назойливость; злость, обман; угодничество. Рассмотрим пример *вести себя как баба* ‘О малодушном, трусливом и нерешительном поведении какого-либо мужчины в трудной ситуации’. Сравнение мужчины с женщиной прочно устоялось в нашем языке, т.к. мужчина – отец семейства, тот, на чьих плечах держится всё домашнее хозяйство. Трусость, нерешительность нехарактерны для мужчины, поэтому самым подходящим является такое сравнение, которое подчёркивает все эти качества.

В группе сравнений *динамических характеристик* встречаются конструкции со следующими компонентами: частота, монотонность движений; оцепенение, скованность; быстрота; медлительность. Рассмотрим пример *влететь как бомба* ‘О чем-либо стремительном, порывистом, внезапном и шумном появлении где-либо’. Часто в русском языке можно услышать выражения с компонентом ‘бомба’, когда речь идёт о шуме, неожиданности. Бомба – взрывное устройство, поэтому конструкция в языке с таким компонентом может использоваться с потенциальными семами ‘пугающий’, ‘ошеломляющий’. Носителя языка

может застать врасплох внезапное появление человека, ошеломить, поэтому употребляется такое сравнение.

Межличностные отношения можно охарактеризовать сравнениями со следующими компонентами: одиночество; любовь, дружеские отношения; безразличие, помыкание; вражда. Рассмотрим пример *как рябина* ‘Об абсолютно одинокой женщине’. Это сравнение носит лингвокультурный оттенок, т.к. рябина на Руси была символом одинокой женщины. Как горьки ягоды рябины, так и жизнь одинокой женщины горька.

Сравнение есть первичный этап формирования метафоры. В русском языке есть сравнения, от которых образовались устойчивые метафоры: *как заяц – заяц* ‘трусливый человек; пассажир без билета’, *как клоун – клоун* ‘несерьёзный, смешной человек’, *как барин – барин* ‘важничавший, высокомерный человек’ и т.п.

Сравнения характеризуют человека с разных сторон. В русском языке сравнения разнообразны: человек сравнивается со всем тем, что его окружает, он смотрит на окружающий мир как в зеркало и практически в каждом предмете может найти признак, характерный и для самого человека. В сравнениях отражается культура, сознание носителей языка, быт народа, история.

А.С. Филиппова
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

Ненецкие заимствования в ижемском диалекте коми языка

Лексика ижемского диалекта очень разнообразна. В нём есть и специфические для диалекта слова, и заимствованные из других языков.

В хозяйственной деятельности коми-ижемцев с давних пор значительную роль играло оленеводство, которому они обучились у ненцев. Поэтому многие слова, связанные с этим видом деятельности, вошли в ижемский диалект.

Среди этнографизмов, связанных с оленеводством, выделяются следующие семантические группы:

– связанные с бытом оленевода, в том числе обозначающие продукты питания, одежду, обувь, утварь (*тöбек* ‘вид обуви’, *ыы* ‘шест, жердь (для чума)’, *ариндзи* ‘тэрыба дасьтöм сёян’, *малича* ‘малица’);

– средства передвижения (*утіча* ‘нарта для перевозки шестов, строек чума’; *харей* ‘шест, которым погоняют упряжных оленей’; *вандей* ‘нарта для перевозки шкур и продуктов’);

– названия оленей по возрасту и полу (*менурей* ‘кастрированный, недрессированный олень, который является вожаком стада’; *нявута* ‘телёнок у годовалой важенки’; *нядко* ‘важенка, отелившаяся в возрасте одного года’);

– названия оленей по пригодности к той или иной работе, по их поведению, характеру действия и внешним признакам (*нимтэм* ‘третий слева олень в упряжке’; *авко* ‘олень, вскормленный около чума’; *пелей* ‘пристяжной олень’).

Л.И. Хатанзейская
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

Значимость диалектизмов в романе Я.М. Рочева «Два друга»

Коми писатели часто вводят в свои произведения диалектизмы. С их помощью писатели обогащают словарный состав коми литературного языка.

Диалектизмы встречаются в произведениях писателя-носителя ижемского диалекта Я.М. Рочева, в частности в романе «Кык друг» («Два друга»). Частотными в этом произведении являются этнографические диалектизмы. Большинство этнографизмов связаны с оленеводством.

Эти диалектизмы можно разделить на несколько групп:

1. Диалектизмы, которые обозначают одежду, материал для одежды и обуви, предметы быта: *төбөк* ‘мужская обувь из оленьей шкуры’: ...мышладорсянь матыстчис виж *төбөка* детинка дорё да юалис («...из-за спины подошёл к мальчику в жёлтых *тобоках* и спросил»); *пежгу* ‘шкура новорожденного оленя’: Митрей гөтыр *пежгу* кокъясысь вурис ичөтик туфли («Жена Митрея сшила из *пыжика* маленькие туфли»).

2. Диалектизмы, обозначающие действие, процесс: *йөрасьны* ‘загонять оленей в огороженное место’: – Мый, мися, вөчан? – выльысь юалис Геня. – *Йөрася*, – синьяссө лэдзис төдтөм детинка («- Что, говорю, делаешь? – снова спросил Геня. – *Загоняю оленей*, – опустил глаза незнакомый мальчик»); *айбарчасьны* ‘стругать и есть мерзлое мясо или рыбу; есть строганину’: ...уджалысьяс... өти-мөдтор йылысь баитігтыр, *айбарчасисны* («...рабочие... разговаривая о том, о другом, ели строганину»).

3. Диалектизмы, которые обозначают разновидность оленей: *важенка* ‘самка оленя’: Талун Манзадей бабитчис кык *важенкакөд* («Сегодня Манзадей принимал роды у двух *важенок*»); *бык* ‘кастрированный олень, приученный к запряжке’: Семöлы Селифан тшөктіс доддявны медьён *быкьяссө* («Селифан велел Семёну запрячь самых сильных *быков*»).

4. Диалектизмы, которые обозначают транспорт, средство передвижения: *аргыш* ‘олений обоз из нескольких грузовых саней’: Ванюк купеч өшинь улын асывсяньыс сулалісны *аргышаяс* («Под окном купца Ванюка с утра стояли *аргыши*»); *дадюв* ‘упряжка, оленья повозка’: А ме сэк кежлө ён быкьяс быдта, аслым *дадюв* лөсьöда («А я к тому времени сильных *быков* выращу, *дадюв* себе подготовлю»).

5. Диалектные обозначения инструментов, средств трудовой деятельности: *салямка* ‘оленья упряжь’: Асьядорыс код юра Öлешка ворссьöма *салямкасö*, сэсса маличасö... («К утру пьяный Öлешка проиграл *салямку*, потом малицу...»); *харей* ‘тонкий шест для управления упряжными оленями’: ...өти киö босьта вөжжи, мөдö – *харей* и... төвзям!.. («...в одну руку возьму вожжи, в другую – *харей* и... помчимся!..»).

Диалектизмы встречаются в речи персонажей, но чаще всего в словах автора. С помощью этих диалектизмов Я.М. Рочев даёт представление о жизни в чуме, приближает читателя к оленеводам.

Судьба слова «нао́пако» в русском языке

Историческая лексикология – раздел языкознания, главная цель которого заключается в том, чтобы выяснить, как происходило развитие лексических средств языка в целом, во всех его разновидностях – литературном языке и говорах; в том, чтобы установить, с чего это развитие началось, как протекало, какие этапы прошло, установить хронологические рамки появления отдельных слов или целых групп и категорий слов.

Установление системных смысловых отношений между словами, составляющими ту или иную лексическую группу, способствует выявлению семантических закономерностей в лексике русского языка в разные периоды развития. Сравнивая лексико-семантическую систему разных исторических периодов, можно выявить движущие силы развития лексико-семантической системы языка. Методы компонентного и дистрибутивного анализа позволяют обнаружить «приращение» и «перегруппировку» смыслов, а также их сужение и утрату и в структуре лексем как единицы языка, и в слове как функциональном элементе речи и текста. Эти методы позволяют проследить историю слова в лексическом составе русского языка, описать его судьбу.

В центре внимания данной работы находится судьба слова «нао́пако».

В современном русском литературном языке это слово отсутствует, оно встречается только в говорах. В них эта лексема имеет много разных значений: ‘назад, наоборот; не так, как следует, совершенно иначе; неправильно, нечисто (произносить слова); напрасно, без толку; неприлично; наперекор, напротив, вопреки и др.’.

Этимологически данное слово образовано префиксальным способом: посредством приставки на- от слова *опа́к*, а это слово в свою очередь образовано от корня *-нак-* с помощью приставки *о-*. О том, что

слово *нао́пако* древнее, говорит то, что оно встречается почти во всех славянских языках: оно употребляется в украинском, болгарском, сербском и словацком языках.

В русском языке слово «нао́пако» известно с XVI в. в значении ‘назад, позади’.

Дальнейшее развитие семантики данного слова выразилось в расширении его семантического объема. В XVIII в. лексема «нао́пако» фиксируется в следующих значениях: ‘верхней стороной вниз’, ‘наизнанку’, ‘на противоположную сторону’, ‘не так, как следует, неправильно’.

В XIX в., по свидетельству В.И. Даля, это слово встречается в нескольких структурных вариантах – *нао́пака*: *наопа́кишь*, *наопо́кишь*, *наопа́кишу*, *наопаку́шу*, а также в двух равноправных фонетических вариантах данного слова: *нао́пакъ* и *на́опакъ*. Даль фиксирует новые значения этого слова: ‘некстати, неладно, глупо’; ‘нечисто, картаво, либо какъ нерусскій’; ‘напротив, напротивку’; ‘от себя, наотмашь’.

В сравнении с словарем XVIII в. многие его прежние значения сохранились: ‘навыворот, изворотъ, изнанкою; наоборотъ; исподомъ кверху, т.е. верхней стороной вниз’. Даль не сопроводил слово географическими пометами, что позволяет предположить, что слово в XIX в. еще имело общерусский характер.

В XX в. слово уже переместилось на периферию и стало употребляться только в диалектах. В основном это слово зафиксировано в севернорусских говорах – вологодских, олонечских, тверских, ярославских, новгородских, псковских, нижегородских, ленинградских, архангельских, вятских, костромских, пермских, Кировских, тобольских. В разных говорах слово *нао́пако* приобрело новые значения. Оно используется в значениях: ‘напрасно, без толку’, ‘не с руки’. В говорах еще сохранились старые значения слова *нао́пако*: ‘с противоположной стороны; назад, обратно’; ‘не так, как следует; совершенно иначе’; ‘неправильно, нечисто’; ‘неприлично’; ‘наперекор, напротив, вопреки’.

Фиксируется это слово и в говоре села Лойма Прилузского района Республики Коми. Оно употребляется местными жителями в значении ‘Наоборот, наизнанку, неправильно, наперекор’. Например: *Наопако-то не лей воду-ту из ковша, эдак-то только на покойника льют. Тебе одно*

говорят, а ты наопако всё ладишь. Переоблокись: наопако рубаху-ту надернул. Ой, кака ягишна Клавдя-то, сыспотиху, а всё ровно наопако натакат.

Изучение слова *наопако* показывает, что в нем произошли глубокие семантические и функциональные изменения. С одной стороны, ощути-мо пополнился семантический объем слова. С другой стороны, слово переместилось на периферию русского национального языка. Это можно объяснить тем, что язык – это живая система, в которой постоянно появляются новые слова, а устаревающие отходят на периферию, употребляются все реже, иногда отмирают. Так и слово *наопако*, известное в русском литературном языке, постепенно ушло на периферию, утратив свои прежние значения и потеряв свое первостепенное положение в русском литературном языке, оно стало заменяться словами-синонимами – *наизнанку, неправильно, наоборот* и др. Возможно, это связано с тем, что семантика слова *наопако* стала слишком широкой, и потребовались слова, которые конкретнее выражали бы понятие.

А.С. Шумахер

*Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина*

Образ родины в языковом сознании русских немцев (опыт гештальт-описания)

Языковое сознание – новый объект психолингвистического анализа, сформированный за последние двадцать лет. В настоящее время понятие языкового сознания получает все большее развитие. Сознание – это знание и логическое мышление в контексте живой, чувственно-волевой, активной деятельности всей сферы психического. Сознание неразрывно связано с языком, которое образует органическое единство с мышлением, так как одно без другого не существует.

Термин «языковое сознание» акцентирует важнейшую сторону психологического функционирования человека, подчеркивая значение

внутренних психологических состояний, сознания субъекта при использовании языка, речи.

Одним из способов представлений знаний об окружающем мире в языковом сознании носителей языка является семантический гештальт. Метод построения «семантического гештальта» был предложен Ю.Н. Карауловым. По его мнению, семантический гештальт воплощает тот аспект языкового сознания, который связан с отражением окружающей действительности, «образов» национально-культурного мира, запечатленных в родном языке. Для анализа данных мы, вслед за Ю.Н. Карауловым, выделяем следующие семантические зоны: КТО – лицо, ассоциируемое со словом-стимулом; ЧТО – предмет, ассоциируемый со словом-стимулом; КАКОЙ – включает постоянные (интегральные) признаки, рассматриваемые с позиции стороннего наблюдателя; ЭТО – конструкции, в которых местоимение «это» является гипотетической связкой; ДЕЛАТЬ – действие, ассоциируемое со словом-стимулом; ГДЕ – место, ассоциируемое со словом-стимулом.

Мы провели ассоциативный эксперимент среди российских немцев, предложив в качестве слова-стимула слово *родина*. Всего в эксперименте приняло участие около 100 испытуемых, получены 107 реакций. Приведем наблюдения, полученные в ходе эксперимента. Первой по продуктивности является зона «ГДЕ». Разнообразие ответов довольно велико, что вместе с их количеством свидетельствует о высокой релевантности признака «место» для содержания образа родины в языковом сознании российского немца, подавляющее большинство ответов совпало (51 испытуемый посчитал естественным местом Россию, выделив это как самое существенное, в то время как Германию выделили только 6 испытуемых). Это может свидетельствовать о том, что в сознании российских немцев Россия стала естественным, само собой разумеющимся местом, где находится родина, Германия же как место происхождения предков фиксируется на периферии.

Второй по продуктивности является зона «КТО». Подавляющее большинство ответов – «мать» (11), один ответ – «родители» и один от-

вет – «Шевчук». Возникновение этой реакции можно объяснить ассоциацией с известной песней этого автора.

Третьей по продуктивности является зона «ЧТО». Это свободная зона представлений в языковом сознании с разнообразным вербальным наполнением, которое отражает широкий круг явлений реальности, связанных с образом родины. В культуре российских немцев представления о родине связаны прежде всего с домом, семьёй (*дом, семья, родительский дом, уют*) и патриотическими чувствами (*гордость, счастье, любовь*). В этой зоне выделяется только один ассоциат с отрицательной окраской – *печаль*.

Самой малочисленной зоной стала зона «КАКОЙ», она насчитывает лишь один ответ – «маленькая». Возможно, этот ответ можно соотнести с выражением «малая родина».

Вообще без вербального наполнения осталась семантическая зона «ДЕЛАТЬ». Это говорит о том, что в сознании российских немцев родина не связывается с действием, изменением – это образ постоянный, неизменный.

Для сравнения с русским языковым сознанием были использованы данные «Русского ассоциативного словаря». Различными оказались наиболее частотные ассоциаты у русских и у российских немцев: у русских по данным словаря это «мать», у российских немцев по результатам нашего эксперимента это «Россия»: для российского немца наиболее актуальной оказалась зона «ГДЕ», в отличие от русского человека, для которого важнее зона «КТО». Это можно объяснить тем, что для российского немца место, где находится родина, не определяется однозначно, в то время как для русского Россия является родиной, и это очевидно и не требует пояснения, для него важнее определить эту родину, Россию, кем она является для него, насколько близка (мать).

Существенны отличия в зоне «КАКОЙ»: для российских немцев актуальнее значение «маленькая» (малая родина), в то время как для русского существеннее другие признаки, которые говорят о восхищении, любви к ней: *единственная, родная, любимая, красивая*.

Образ родины у русских, как и у российских немцев, имеет положительную окраску, однако она более возвышенна (больше слов-ассоциатов высокой стилистической окраски).

В целом у русских образ родины в первую очередь связан с патриотизмом, затем с малой родиной и совсем нет мотива семьи. Таким образом, четко прослеживается отличительная особенность в сознании российских немцев: для российских немцев важнее мотивы семьи и дома, нежели характерные русским патриотические чувства.

Перенося эти наблюдения на содержание национального языкового сознания, резюмируем: образ родины в языковом сознании российских немцев носит исключительно положительную окраску, прочно связан с Россией, мотивами семьи, дома и патриотизма.

СОВРЕМЕННАЯ МЕДИАСФЕРА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ

*А.Р. Безносикова
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина*

Трансформация новости в различных медиасферах: информационно-сервисный портал КомиОнлайн и его паблик в социальной сети «ВКонтакте»

В наше время, когда СМИ и Интернет тесно переплетаются, становится актуальным отслеживание развития новостных сайтов и порталов, а также различных пабликов в социальных сетях. Зачастую паблик и сайт загружают одинаковые новости, но подают их в совершенно разной манере. Паблики отличаются шуточностью, несерьезностью подачи материалов, обилием максимально приближенной к массовой аудитории лексики. Такие приемы используются с целью побуждения читателей перейти на портал и прочесть новость, ведь своеобразное «превью новости», поданное в таком ключе, подогревает интерес к описанному событию. В свою очередь информационные порталы официальные, для них характерно строгое соблюдение стилей и жанров журналистики. Причину такого разграничения мы и постарались выявить в данной работе.

В качестве примера был выбран паблик в социальной сети «ВКонтакте» под названием «КомиОнлайн» и одноименный информационный портал. Выбор объясняется тем, что эти два источника информации значительно отличаются в манере и жанрах подачи новостей: паблик пестрит демотиваторами, юмористическими картинками, иногда даже не относящимися к сути новостной заметки или статьи, тогда как контент на портале носит официальный характер, вместо картинок присутствуют репортажные фотографии с места событий. Новость написана по правилам: заголовок, подзаголовок, лид, основная часть. На паблике та-

кого обычно не наблюдается. К примеру, пост на паблике выглядит так: «А у нас в Коми газ. А у вас? Сказ о том, что бензин снова подорожал». Перейдя по ссылке на портал, мы видим, что заметка посвящена повышению цен на бензин, приводятся официальные сводки стоимости бензина на автозаправочных станциях и тому подобное, причем нет ни намека на шутливость.

Сделав сравнительный анализ портала и паблика, мы пришли к выводу, что паблик больше работает на привлечение зрителей, это некая реклама информационного сайта, так как под каждым постом в паблике есть отсылка к новости на эту же тему.

Подписчик паблика «покупается» на юмор, яркий пост и, конечно, переходит на сайт «КомиОнлайн», чтобы прочесть полноценную новость. Такое сотрудничество паблика и сайта эффективно и положительно сказывается на статистике просмотров контента.

А.М. Венцовская
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

Интернет как альтернативное медиа (на примере СМИ Республики Коми)

Интернет – одно из наиболее динамично развивающихся явлений современного общества. Он даёт огромные возможности для производителей творческого контента в глобальном масштабе киберпространства. Появление сетевых средств массовой информации и возникновение гражданской журналистики в Интернете способствуют повышению уровня свободы слова в России и Республике Коми в частности.

В условиях процесса «интернетизации» по-новому организуется текстовое пространство и процесс чтения, происходит изменение журналистских материалов, увеличивается скорость поступления информации, в связи с чем меняется и сама профессия. У аудитории появляются новые функции, связанные с возможностью её участия в производстве

контента совместно с журналистами. Таким образом, произошёл переход средств массовой информации в средства массовой коммуникации. Теперь факт регистрируют и анализируют не только журналисты-профессионалы, но и каждый, кто имеет к нему какое-либо отношение. Так появилась гражданская журналистика – коллективные действия лиц, играющих активную роль в процессе сбора, публикации и анализа информации. Гражданская журналистика в Республике Коми поднимает те проблемы социума, которые традиционные СМИ обходят стороной. Хотя гражданские журналисты субъективны в своих высказываниях, они зачастую не только первыми доносят информацию, но и сообщают много эксклюзивных деталей. Кроме того, некоторые из них добиваются решения тех проблем, о которых написали.

Однако власти стремятся к контролю над сетевыми СМИ, чтобы регулировать этот поток информации. «Цензура во благо» – редкое явление. Там, где за ней скрываются какие-либо корыстные цели, исчезает свобода слова. Безусловно, государство должно защищать общество от недостоверной информации, и если власти верно понимают свои задачи, то свобода слова реализуется. Однако если цензорские полномочия принимает на себя правящая политическая структура, то, как правило, верх берут вовсе не всеобщие законы морали.

Одним из примеров давления на СМИ в сети является сайт «7x7». Интернет-журнал «7x7 – Горизонтальная Россия» – это независимый проект, созданный в 2010 г. в Республике Коми. В течение нескольких лет возникли филиалы издания в Кировской, Рязанской, Мурманской, Архангельской, Калужской и Воронежской областях, а также в республике Марий Эл. Проект создан для того, чтобы профессиональные журналисты и люди с активной жизненной позицией могли писать о тех проблемах, которые возникают по вине действующего правительства. Политика властей, проводимая по отношению к «7x7», доказывает, что свобода слова в Республике Коми наказуема. Правительство применяет рычаги косвенного давления, в том числе и на конкретные личности, которые связаны с изданием. В свою очередь, гражданская журналистика республики на законодательном уровне не приравнена к СМИ, так

как даже ведущие блогеры региона не обладают достаточно широкой аудиторией, поэтому именно она сегодня является единственным свободным от «скрытой» цензуры средством распространения информации, которое невозможно контролировать.

Ю.В. Димова
Вятский государственный гуманитарный университет

Проблемы привлечения аудитории к новостному аналитическому продукту в региональной телевизионной медиасфере на примере программы «Точка зрения» (г. Киров), победителя «ТЭФИ-регион» – 2014

Индустрия СМИ является развитой и прибыльной отраслью экономики. Главный ресурс, которым аудитория расплачивается за СМИ в процессе их потребления, – это время. Для организации доступа рекламодателей к медиаотрасли необходимо производить качественный контент. Вопрос его создания в регионах является особенно злободневным в эпоху прогрессивного развития информационных технологий. Издания всё активнее борются за свободное время своей аудитории. Поэтому самая актуальная проблема в медиасфере сегодня – как захватить внимание и удержать его. Реализация решения этой проблемы рассматривается на примере информационно-аналитической программы «Точка зрения» (г. Киров), победителя конкурса «ТЭФИ-Регион» – 2014.

Исходя из обзора федерального телевидения телеканалов России: «Первый канал», «НТВ», «Россия 1», «5 канал», «ТВ Центр» и «РЕН ТВ» – можно сделать вывод, что самыми профессиональными среди еженедельных итоговых информационных аналитических программ предстают «Вести недели» с Дмитрием Киселевым, воскресное «Время» с Ирадой Зейналовой, «Сегодня. Итоговая программа» с Кириллом Поздняковым, «Главное» с Никой Стрижак, «В центре событий» с Анной Прохоровой, «Добров в эфире» на РЕН ТВ, «Вести в субботу» с Сергеем Брилёвым.

Что касается регионов, то здесь ниша информационно-аналитических авторских программ практически свободна. Профессиональный уровень этого жанра в регионах – слабый, многие критики утверждают, что аналитики в регионах как таковой нет. Связано это прежде всего с низким финансированием, а соответственно, неспособностью приглашать кадры высокого профессионального уровня. Информационные программы в регионах, как правило, создаются по определенному трафарету – так называемый мейнстрим российского телевидения, списанный по шаблону западного. Однако в некоторых регионах представлены примеры, которые можно сравнить с продуктами федерального уровня. За образец для анализа взята программа-победитель конкурса «ТЭФИ-Регион» – 2014. На ее основе выявляются концептуальные авторские элементы при подготовке материала, его съемке и в дальнейшем верстки, которые способны привлечь внимание аудитории.

Рассматриваются методы, на примере которых потенциальная информация максимально полно становится принятой аудиторией, а главное – адекватно освоенной. Становится очевидной не только проблема адекватности познания журналистом действительности и фиксации полученного знания в тексте, но и проблема эффективности взаимодействия текста с аудиторией [2]. Их Е. Прохоров называет проблемами информационной насыщенности текста и информативности. На примере программы выявляются способы преодоления этих проблем.

В процессе анализа удалось определить, что изначальную функциональную заданность материала формирует тема. В информационно-аналитической программе тема должна нести в себе идейную нагрузку, ее сюжетная задача – привлечь внимание, а в завершении просмотра спровоцировать процесс переработки принятой информации в реальную. При этом встает необходимость выявлять некий баланс между информационной насыщенностью продукта и простотой его восприятия, то есть главная задача – создавать продукт, который будет иметь смысл для пользователя и будет привлекать читателя быстро и просто, без чрезмерной смысловой нагрузки.

В целом формулируется вывод, что качественный контент базируется на трех принципах: новизна (оригинальность сведений), декодируемость (понимание сообщения аудиторией в соответствии с замыслом журналиста) и релевантность (ощущение важности информации). Способы, благодаря которым удается реализовать эти принципы, и являются отличительными элементами авторской программы, а уровень их профессионального достижения и формирует эффект популярности в зрительской аудитории.

1. *Ким М.Н.* Технология создания журналистского произведения [Электронный ресурс] СПб., 2001. URL: <http://evartist.narod.ru/text/71.htm>.
2. *Прохоров Е.П.* Введение в теорию журналистики. М., 2011. 351 с.

Е.С. Ивина
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

Функции эвфемизмов в региональных средствах массовой информации

В современном русском языке все большее применение находят стилистически нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичной языковой единицы, которая представляется говорящему (пишущему) неприличной, грубой, резкой или нетактичной. В лингвистической литературе этому распространенному процессу дано терминологическое название «эвфемизация».

Эвфемизм – это не просто языковой феномен (слово, словосочетание или фраза, использованные вместо неудобных, с точки зрения говорящего, лексических единиц), это отражение склонности человека структурировать действительность особым образом. Употребляя более приемлемое слово, человек снижает остроту конфликта, который возникает вследствие запрета-табу на произнесение некоторых слов.

Эвфемизация используется прежде всего в таких сферах жизни, как медицина, политика, армия, бытовая жизнь и СМИ. Как отмечает С. Видлак, манипулятивный эффект эвфемизмов, функционирующих в текстах СМИ, основан на механизме ассоциативности, благодаря которому «говорящий располагает своего рода формальной защитой..., как бы отвлекает внимание собеседника от запретного понятия, подразумевая, по крайней мере формально, другие содержания».

Современный русский язык все более обогащается различными эвфемизмами. Эвфемизмы можно оценить наравне с другими языковыми средствами (например, мейозисом, литотой, оксюморонами) как средство выразительности и способ непрямого, перифрастического, а главное – смягчающего обозначения свойства, предмета или действия.

Материалом для нашего исследования послужили публикации из газеты «Красное знамя» с октября 2013 года по октябрь 2014 года и портала «Прогород Сыктывкар» за тот же период. В ходе исследования были выявлены следующие виды непрямого наименования явлений действительности:

1) метафорическая номинация: «Авария в Сыктывдинском районе около Лозыма, которая произошла 11 июня в полвосьмого вечера под Сыктывкарком, *унесла две жизни* («У водителя, который погиб в больнице после аварии под Сыктывкарком, осталась дочка», Прогород Сыктывкар, 12.06.2014) – данный эвфемизм связан с темой смерти и употреблен с целью избежать коммуникативный конфликт;

2) прономинализация: «Я хватал её иногда за руки, когда она собиралась на ночь глядя идти на улицу искать приключений *на одно свое место*» («Версия Катаева», Красное знамя, 23.01.2014) – используется с целью смягчения грубого выражения;

3) собственно эвфемизм: «Существует страшная, но вполне реальная статистика: к 2015 году ожидается, что на планете Земля будет от 1,5 до 2,3 миллиарда людей с *избыточным весом*» («Наша миссия – создать стройный и счастливый мир», Красное знамя, 15.05.2014) – относится к сфере физиологических процессов и состояний и использован с целью избежать коммуникативные конфликты и неудачи.

В исследуемых изданиях эвфемизмы используются в следующих функциях: для замены названий пугающих объектов; для замены наименований различного рода неприятных, вызывающих отвращение объектов; для обозначения того, что считается неприличными (бытовые эвфемизмы); для замены прямых именованных из боязни эпатировать окружающих (этикетные эвфемизмы); для «маскировки подлинной сущности обозначаемого»; для обозначений организаций и профессий, которые представляются непрестижными.

В.А. Исакова
Вятский государственный гуманитарный университет

Блог как средство массовой информации в России: история становления, проблематика, жанровые и стилевые особенности

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена растущей ролью блогов в формировании общественного мнения, что ярко подчеркнул выход Федерального закона от 5 мая 2014 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». Данный закон приравнял блоги с аудиторией свыше 3000 человек к СМИ и наложил на их владельцев соответствующие ограничения.

В настоящее время мировая история блоггинга насчитывает уже более 20 лет. Ее ключевые этапы: создание первого блога Тимом Бернерсом-Ли в 1992 г., открытие первой бесплатной блогговой службы в 1999 г., начало взаимодействия СМИ и блоггеров (традиционные средства массовой информации – газеты, журналы, телевидение и радио – стали публиковать обзоры блогов и приглашать популярных блоггеров в качестве комментаторов) в 2004 г., скачок популярности блоггинга (к нему подключаются представители самых разных общественных слоев

– от подростков до политиков) в 2006 г., первая в России регистрация ЖЖ-блога как СМИ в 2009 г., принятие так называемого «Закона о блогерах» в 2014 г.

При создании блога, как правило, преследуется одна из следующих целей: возможность публичного выражения своих мыслей и чувств, создание своеобразного круга единомышленников, заработок. Причем последний пункт становится все более и более распространенным благодаря растущему влиянию и распространенности блоггинга.

Тематика блогов не ограничена и охватывает самые разные сферы жизни: от кулинарии и взаимоотношений до науки и политики.

Стилистическим особенностям также не присуще единообразие: в зависимости от тематики блога и индивидуальных предпочтений его автора стиль может варьироваться от разговорного до аналитического.

На данный момент блог способен являться полноправным СМИ, быть площадкой для профессионального развития и выражения как для именитых журналистов, так и для тех, кто еще лишь стремится в мир журналистики.

Т.Г. Квачадзе

Вологодский государственный университет

Анализ новых слов в современных СМИ

Последнее десятилетие было богато на политические события и новые явления в общественной жизни нашей страны. Это способствовало появлению новых слов (неологизмов), а также всплеску журналистского словотворчества (создание окказионализмов).

Современные лингвисты уделяют большое внимание проблемам языковой нормы и культуры речи и сохранения русского языка. Анализ языка позволяет выяснить, как СМИ влияют на обновление и формирование современного литературного языка.

Целью нашего исследования было описание и анализ новых слов, зафиксированных в печатных СМИ за последние 5 лет. В процессе ис-

следования было выбрано 50 новых слов из СМИ: *селфи, стартап, фирстиль, квест, телецаризм, правосеки, гик, ребут, реланч, нёрд, дотком, развратометр, по-евровидийному, быкоко, демальянс, иррегулярство, медиафрения, коаличная, дерьмометр, миропритворчество, мономентальный, кроссовер, брейнгазм, шорткат, консоль, спойлер, трополия, автомайдановцы, крымнаш, жидобандеровцы, фасадический, басс-бэнд, джем-сейшен, гараж-сэйл, ньюэйджевский, титушки, майдауны, майданутые, пехтинг, сердюковщина, мизулинг, госдура, креакл, каминг-аут, думаки, азиатчина, импераст, азиона, йотафон, евросодом.*

Выборка осуществлялась случайным образом. Источниками новых слов стали издания разного типа.

Все слова можно условно поделить на 5 тематических групп: политика, общество, культура, бизнес, технологии. Почти половина из них относится к первой тематической группе – 24 слова.

На основании анализа новых слов можно выделить некоторые тенденции в языке СМИ:

1. Интенсивное заимствование. Например: *Стартап* – инновационный проект, рассчитанный на окупаемость вложенных инвестиций в самое короткое время. Чаще употребляется в сфере IT и бизнеса. Например, интервью с исполнительным директором НКО в газете «Коммерсант» имеет заголовок-цитату «В стартапе всё зависит от людей». *Стартап* заимствовано из английского языка. В языке-доноре «startup» образовано от *start up* ‘запускать’. Этому явлению посвящены русскоязычные сайты. В текущем году в российском прокате стартовал фильм с таким названием. Концепт слова *стартап* не раскрывает ни одно русскоязычное слово.

2. Использование словообразовательных моделей английского языка. Неизбежное наводнение русского языка англицизмами влечёт за собой ещё одну тенденцию: образование окказионализмов происходит по словообразовательным моделям английского языка. Этот приём используется журналистами для достижения комического эффекта. Например, *мизулинг* и *пехтинг*.

3. Следование речевой моде. Об этом упоминается в статье учебно-научного центра филологического факультета МГУ «Язык СМИ». В частности, СМИ сознательно отходят от норм литературного языка.

4. «Политические» слова. Сфера политики является одной из самых продуктивных в плане журналистского словотворчества. Авторские неологизмы – средство выражения мнения (оценки) журналиста относительно того или иного явления или события. Широко используется политический жаргон, вследствие чего расширяются границы публицистического стиля.

Множество новых слов появилось и прижилось при освещении СМИ событий на Украине. Явно неодобрительную оценку содержат следующие слова: *майдауны, майданутые, жидобандеровцы*.

Таким образом, обращает на себя внимание активный процесс неологизации в массмедиа, проявляются различные тенденции словообразования в языке СМИ сегодня.

В.А. Липина
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

Жаргон журналистов (на материале СМИ Республики Коми)

Основным источником для языкового обособления и самовыражения в различных социальных и профессиональных группах служит жаргон. С помощью жаргона носители субъязыка легко определяют своих среди чужих. Жаргонизмы не имеют широкого распространения в обычном повседневном разговорном языке, они направлены на узкий коллектив и содержат скрытую информацию, труднодоступную для людей другого рода деятельности.

Особой выразительностью, выделяющейся на фоне общеупотребительной лексики, характеризуется и профессиональный жаргон журналистов, являющийся предметом настоящего исследования.

Материалом исследования послужила живая речь журналистов средств массовой информации Республики Коми (телеканал «Юрган», газета «Красное Знамя Севера», молодёжный портал РК «Твоя Параллель», информационное агентство «БНК», студенческие СМИ). Объем исследуемого материала составил 100 языковых единиц.

Большую часть собранного материала (82 яз. ед.) составляют *названия предметов и процессов, используемых журналистами в работе*. Например: БРАТСКАЯ МОГИЛА / БАРАБАН ‘быстро пробегающие титры в конце программы с указанием имени и фамилии всех тех, кто работал над ее созданием’, КУЛЬТУР-МУЛЬТУР ‘телесюжет о культурном событии’, ПЕТАН ТУЙ ‘материал, который не вышел в эфир’, БУДЬКА ‘рубрика «Будь в теме» в газете «Твоя параллель»’ и др.

Следующую группу составляют *обозначения действий, выполняемых журналистами*. Всего выявлено одиннадцать отглагольных образований: КЕФИРИТЬ ‘выходить в прямой эфир’, ЕЗДИТЬ ПО КАРТИНКЕ ‘при монтировании приближение/отдаление плана’, БАЛАНСНУТЬСЯ ‘отрегулировать температуру света соответственно освещению помещения, чаще всего взять баланс белого’, ПРЯМИТЬСЯ ‘вести прямое включение с места события’ и др.

Отдельно можно выделить *наименования людей, употребляемые в журналистской среде*. Таких лексем семь: ГОБЛИНЫ ‘массовка в студии’, ЗВУКАРЬ ‘звукорежиссёр’, КОРР ‘корреспондент’, РЕЖИК ‘телевизионный режиссер’, ДАНЕТКИ ‘люди, отвечающие на вопрос односложно, часто употребляющие слова «да» или «нет»’, ЖУРНАЛЮГА ‘журналист, чаще корреспондент’, БЕЗУЧАСТНЫЙ СТОЛБ ‘журналист, который во время интервью ведет себя пассивно, невнимателен к ответам собеседника, не задает дополнительных вопросов и не смотрит на отвечающего’.

Перспективным представляется исследование способов словообразования, этимологии и значения жаргонных единиц в речи журналистов, выявление особенностей взаимодействия с разговорной речью и литературным языком.

Спортивная тематика в СМИ Республики Коми

Одним из самых популярных специализированных направлений в современной российской журналистике является спортивная журналистика. Спорт в XXI в. превратился в отдельную, многоплановую сферу жизни человека и общества. Соответственно, спортивная журналистика стала одним из самых популярных специализированных направлений в современной российской медиасфере.

Наиболее распространенным и ярким информационным жанром, наглядно демонстрирующим особенности освещения темы спорта на телевидении, радио и в прессе, является репортаж.

В репортаже излагается актуальный фактический материал, полученный с места событий. Спецификой данного жанра журналистики является оперативность. Кроме того, для этого жанра характерно беспристрастное, безоценочное освещение событий. Подразумевается, что репортёр является очевидцем или участником описываемого. Именно факт обязательного присутствия автора сюжета на месте действия есть существенное отличие репортажа от других жанров.

Материалом исследования явились телепередача «Мини-футбольный дневник» республиканского телеканал «Коми-гор», программа «Час-онлайн» радиостанции «Европа+Коми» и публикации газеты «Спорт № 1».

Наблюдения за жанром спортивного репортажа в республиканских специализированных изданиях и теле-, радиопередачах показали, что поклонники спорта предпочитают наблюдать за соревнованиями по телевизору. Именно телевидение в полной мере отвечает главной характеристике репортажа – «эффекту присутствия».

Радио в силу ограниченности технических возможностей не обладает синтетичностью телевидения, ограничивает возможности коммуникации и воздействия на аудиторию.

Печатные издания представляют информацию в «закодированном» виде: интерпретация журналистом материала о событии и реконструкция текста читателем вовсе не идентичны действительности. Иллюстрации/фотографии существенно увеличивают наглядность печатного репортажа. Кроме того, для репортажей газеты «Спорт № 1» характерна эмоциональная динамичная подача.

Н.С. Плоскова
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

Жанровое своеобразие радиовещания (на материале радиостанции «Европа плюс коми» в Сыктывкаре»)

«Европа плюс» – первая в России негосударственная коммерческая радиостанция, входящая в состав «Европейской медиагруппы» и занимающая лидирующую позицию среди радиосетей России.

Радиостанция «Европа плюс Коми» в Сыктывкаре» существует с 1997 г., вещает на частоте 100.3 FM; кроме того, ведется интернет-трансляция.

Жесткая программная политика, требующая соответствия местных передач стилю, манере подачи материалов, содержательного наполнения программ и другой «головной» радиостанции, привела к тому, что из эфира исчезли аналитические и документально-художественные жанры. В настоящее время радиостанция «Европа плюс Коми» носит информационный, музыкальный, развлекательный характер.

Эфир региональной коммерческой радиостанции в Сыктывкаре заполняют исключительно информационные жанры, а также интерактивные передачи с розыгрышами, призами в сопровождении современной евро-

пейской музыки. Это такие передачи, как «Афиша», «Бизнес-навигация», «Одиннадцатый регион», «География развлечений», «Гороскоп».

Тематически местные новости охватывают все сферы общественной жизни. Построение выпуска осуществляется в соответствии с «жесткой версткой»: в начале говорится о политике, экономике, социальной сфере, далее – о происшествиях, культуре, в конце выпуска – о погоде и спорте. Редакционная политика в подаче новостей – оперативно передать проверенную и достоверную информацию. Однако служба информации радиостанции не «производит» новости, а черпает их из сайтов информационных агентств.

В каждом новостном выпуске содержится по 5–6 «новостей»; в день выходит 4 выпуска, т.е. 20 информационных заметок. Информационная заметка – самый частотный жанр радио «Европа плюс Коми». Значительная часть новостных материалов включается в выпуск на правах рекламы. Следствием недостаточного финансирования радиостанции является нехватка журналистов в штате и ограничение времени на подготовку материалов к эфиру. В результате новости пишутся на «скорую руку», а материал представляется довольно однообразным.

Относительно новым жанром для радиостанции «Европа плюс Коми» в Сыктывкаре» является репортаж с элементами интервью. Его задача – помочь слушателю «увидеть» событие и создать эффект присутствия на мероприятии; сфера функционирования данного жанра – прямой эфир с места события. Отметим, что ни одна радиостанция в Республике Коми, кроме «Европы плюс Коми» в Сыктывкаре», не ведет трансляций с мероприятий в прямом эфире.

Продуктивным для «Европы плюс Коми» в Сыктывкаре» является жанр обзора. Именно обзор лежит в основе передач собственного производства. Задача журналиста, работающего в жанре обзора, – сориентировать слушателей в потоке важной и интересной информации. Десять раз в день после выпусков новостей выходят передачи «Афиша», «Бизнес-навигация», «Одиннадцатый регион», «География развлечений», «Киномикс» и др.; их общая продолжительность 1–3 минуты.

Жанровая палитра радиостанции не велика. Однако она удовлетворяет запросам целевой аудитории благодаря информационно-развлекательному типу вещания.

Суеверия журналистов как явления постфольклора (на материале СМИ Республики Коми)

«Корпоративные» суеверия как самый распространенный вид современного фольклора широко представлены среди тех, чьи профессии связаны с опасностью, случайностями или большой ответственностью. Список таких профессий возглавляют врачи, пожарные, космонавты и моряки.

Ввиду особенностей журналистской профессии, ответственности за передаваемую информацию, сложилось то, что принято называть постфольклором: ритуалы, суеверия, магия и т.п.

Специфика журналистского сегмента поля постфольклора в том, что он открыт для влияния извне и сам влияет на другие сегменты. Нередко бывает, что в журналистскую среду возвращается то, что когда-то из нее же и вышло.

В рамках изучения данной темы нами был проведен опрос среди журналистов республиканских СМИ и студентов-журналистов СГУ имени Питирима Сорокина.

Мифологизация журналистского инструментария, профессиональной атрибутики – частое явление. Журналисты могут опасаться, что набранный в компьютере текст для срочной статьи исчезнет, диктофон не запишет важное интервью, программа для монтажа видео зависнет и т.п.

Наиболее распространенным суеверием среди республиканских СМИ оказались именно приметы, посредством которых определенным событиям приписывается прогностическое значение. В основном приметы возникают из-за неверного установления причинно-следственных связей, страха перед эфиром, а также при монтаже и съемках. Например: *«Сильное волнение перед эфиром означает, что он пройдет хорошо и без заминок»*, *«Затишье в работе перед обедом означает, что будет завал после обеда»*.

Некоторые приметы объясняются вполне логично, но настолько прижились, что считаются чем-то магическим. Например: «*Четверг – самый тяжелый день для съемок*» (именно по четвергам на телеканале «Юрган» проходят съемки новостных программ – один из самых трудоемких процессов).

Сравнительный анализ материала показал, что наиболее суеверными являются студенты-журналисты СГУ. Сама студенческая среда намного сильнее подвержена предрассудкам. Если в приметах профессиональных журналистов чаще можно найти логическое объяснение того или иного явления, то в случае со студентами этого сделать практически невозможно. К примеру: «*Если пишу материал о том, что не нравится, то получается очень хорошая статья*», «*Никогда не говорю друзьям, куда я еду или иду на съемки в день самой съемки*».

Таким образом, причиной суеверия стоит считать неточное наблюдение явлений природы и их неверное изложение, недостаток сведений и неправильное понимание различных душевных состояний и пр. Профессия журналиста является эмоционально напряженной, что оправдывает появление в этой среде ложных представлений. Однако журналисты нашего региона, как показал опрос, не слишком суеверны. Большинство из них придерживаются рационального взгляда на вещи и не связывают происходящее с магическими действиями.

П.О. Романова
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

Язык рекламных текстов, адресованных молодежи (на материале ежемесячного молодежного журнала «ЮУ»)

Как показывают исследования, реклама на сегодня не только двигатель торговли, но и стимул для развития речевой деятельности. Влияние рекламы сказывается не только на сфере потребительского рынка, но и на политической и культурной жизни общества.

Рекламный текст – это особый тип текста, в котором прагматичность реализуется единицами практически всех языковых уровней. Цель и задачи рекламы реализуются при помощи средств всех языковых уровней: звукового, словообразовательного, лексического, грамматического и стилистического.

Молодёжь – особая социально-возрастная группа, отличающаяся возрастными рамками и статусом в обществе: переход от детства и юности к социальной ответственности. Молодёжь в значительной степени обладает тем уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, который отличает её от других групп населения.

В качестве материала исследования выбран российский ежемесячный журнал «JOY» за 2013–2015 гг. «JOY» – молодежный журнал в глянцево-м формате – является одним из видов развлечений среди молодежи, описывая в своих статьях те моменты, которыми больше всего интересуются тинейджеры. Описание новых модных имен и брендов, а также нововведения среди старых трендов, советы и подсказки как, что и с чем сочетать, делают журнал одним из популярных молодежных журналов. Печатается в Москве с марта 2001 г. Тираж 200 тысяч экземпляров. «JOY» также издается в Германии, Австрии, Швейцарии, Венгрии и многих других странах Европы.

При исследовании языковых особенностей рекламных тестов нами было выявлено, что в журнале «JOY» активно используются:

- на лексическом уровне – сленговые единицы, а также иноязычные слова и выражения: *бренд, секс, Twitter, Facebook, iPod, тренды, хит* и др., а также устойчивые выражения и фразеологизмы: *час от часу, доска зачета, калина красная, зри в корень* и др.;
- на синтаксическом уровне – преобладание глаголов в повелительном наклонении, например, *добейся гладкости кожи, ни о чем не беспокоясь; меняй имидж хоть каждый день без всякого вреда для волос; поймай свою волну*; кроме того, преобладают вопросительные и восклицательные конструкции, которые служат для создания яркой эмоциональной окрашенности рекламных текстов: *Первая защита, неощутимая на коже!; Модно, комфортно и практично!; Хочешь большие глаза?; Аромамасла – польза или вред?*

Приемы эффективности наружной социальной рекламы в г. Сыктывкаре

Социальная реклама обращена к нам со страниц периодических изданий, экранов телевизоров и страниц в Интернете, но не менее действенна наружная социальная реклама. Такая реклама способна доводить до сознания и внимания людей наиболее важные факты и сведения о существующих в обществе проблемах. Она обращена ко всем и каждому, поэтому её можно использовать как инструмент вовлечения общества в социальные процессы.

Материалом нашего исследования является наружная социальная реклама в г. Сыктывкаре за период с сентября 2012 по май 2015 гг. В настоящее время выявлено 104 единицы рекламных сообщений.

На основе проведенного анализа мы выделили следующие приёмы манипуляции. 1. Открытые вопросы, которые привлекают внимание вследствие своей незавершенности («Думаешь, ты выглядишь так? На самом деле так...»), «Мама, ты меня любишь?»). 2. Ссылка на авторитеты (данный приём используется в рекламе «Я не могу ходить, но преодолею путь к вершинам», на которой изображена спортсменка российской паралимпийской сборной по лыжным гонкам Мария Иовлева). 3. Использование статистических данных (рекламный плакат «Увлекательная жизнь? Есть время передумать!» дополнен удручающей статистикой: 15 лет – зависимость, 20 лет – зубной налёт, 30 лет – язва, 40 лет – импотенция, 50 лет – рак, 60 лет – смерть в 60 лет). 4. Повтор (реклама Коми республиканской городской поликлиники «Забота о здоровье касается нас, касается вас, касается каждого»).

Основными элементами, позволяющими эффективно воздействовать на аудиторию, является иллюстрирование, соотношение картинки

и информации, а также цвет. Иллюстрированная реклама эффективнее текстовой, поскольку большую часть информации человек воспринимает визуально. Кроме того, иллюстрация, в отличие от текста, способна передать больше информации одновременно. В зависимости от соотношения иллюстрации и текста можно выделить несколько типов рекламы. 1. Постерный (или афишный), когда используется очень мало текста (зачастую рядом с изображением имеется лишь слоган). 2. Текстовый, когда иллюстрации имеют второстепенное значение, а главную роль играет текст. 3. Уравновешенный, когда иллюстрация и текст значимо дополняют друг друга. Черно-белая фотография обладает наиболее сильным потенциалом для выражения эмоций и образов. Преобладание в черно-белой фотографии темных тонов вносит в изображение трагичные нотки. Вследствие этого ее часто используют в социальной рекламе, посвященной безопасности, здоровью, семье, детству.

А.С. Хайрова

*Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина*

Интервью как жанр региональной прессы на примере сыктывкарской газеты «Красное знамя»

Слово «интервью» появилось в печати в 60–80-е гг. XIX в. и получило распространение как название жанра, но не сразу превратилось в терминологическое обозначение. Такой смысл оно приобретает в России на рубеже XIX–XX вв.

Термин «интервью» имеет два основных значения. Во-первых, он обозначает метод получения, сбора любых сведений (в том числе и для средств массовой информации) посредством опроса, беседы, т.е. общения людей вживую. Во-вторых, интервью рассматривается и как жанр

публицистики. Определений интервью много, но главное, что объединяет их, – это диалоговая форма.

Традиционно интервью причисляют к разряду информационных жанров. В то же время существуют несколько видов интервью, которые граничат с аналитическими жанрами, а именно портретные и проблемные.

В качестве примера интервью в печатных СМИ мы выбрали «Красное Знамя» – независимую сыктывкарскую газету, закрывшуюся в 2014 году.

Для практического исследования мы рассмотрели и отобрали 45 интервью в газете «Красное Знамя» и на сайте этой газеты в период с января 2013 по май 2014 года.

Интервью, вышедшие за этот период, являются яркими примерами данного жанра. В сыктывкарской газете «Красное знамя» интервью имеет следующие элементы: заголовок, лид, основной текст в форме вопросов и ответов, фотографии. На сайте газеты те же интервью могут отличаться по структуре. Например, изменилось количество фотографий, уменьшилось (увеличилось) количество вопросов и т.д. Случалось и такое, что интервью появлялось на сайте.

ПРЕПОДАВАНИЕ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

*Ю.А. Армашенко
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина*

Преподавание литературы в школе в условиях модернизации образования (на примере школ г. Сыктывкара)

На протяжении последних лет проводится общероссийский эксперимент по модернизации образования, цель которого заключается в его качественном обновлении. В 2001 г. была принята Концепция модернизации российского образования, предполагавшая не только его преобразование в соответствии с актуальными потребностями личности, общества и государства, но и отмену вступительных экзаменов в вузах и введение Единого государственного экзамена (ЕГЭ) для выпускников школ (с 2006 г.). В дальнейшем это существенным образом отразилось на изменившемся отношении школьников к предмету «литература», который попал в группу необязательных для сдачи ЕГЭ дисциплин.

В русле современных тенденций формируются новые требования к преподаванию литературы в России, согласно которым методисты разрабатывают учебные программы для общеобразовательных учреждений. Содержание методических программ, группировка и распределение материала в них оказывают влияние на заинтересованность школьников предметом «литература».

Нами была составлена анкета на тему «Литература в школе», состоящая из 15 вопросов, и проведен опрос учащихся 10–11 классов средних общеобразовательных учреждений г. Сыктывкара в 2014–2015 гг. (СОШ № 4, СОШ № 25, СОШ № 38, «Гимназия имени А.С. Пушкина», «Лицей Сыктывкарского государственного университета»). Вопросы в

анкете условно разделены на три тематических блока: «мое отношение к чтению», «мое отношение к предмету «литература» и «практическая польза знания литературы».

Проведенное исследование показало, что выбор учебных программ по предмету «литература» воздействует на восприятие художественных текстов учащимися. Содержание, группировка и подача материала может как увеличить, так и снизить заинтересованность школьников предметом. В целом отношение старшеклассников к изучаемому материалу по литературе нельзя назвать позитивным. Большинство ключевых показателей, таких как доступность материала, удовлетворенность содержанием курса литературы, находятся на среднем уровне.

В рамках исследования были выявлены основные тенденции в восприятии учащихся современной методологии преподавания литературы в школе. Старшеклассники всех образовательных учреждений выразили желание изучать в школе больше произведений современных авторов. В настоящий момент хронологические рамки школьного курса литературы завершаются последними десятилетиями XX в., литература, созданная в XXI в., еще не нашла отражения в современных учебных программах. Первостепенная задача отечественных методических школ – квалифицированно проанализировать новые художественные произведения и сформировать литературный курс, включающий в себя одновременно важные и интересные для современного школьника тексты.

Большинство учащихся хотели бы, чтобы курс литературы включал произведения, ориентированные на саморазвитие и мотивацию читателя к практическим действиям. В учебных программах традиционно представлены только художественные тексты, сегодня возникла необходимость дополнить школьный курс обучающей литературой, материалы которой будут направлены на прямое воспитание личности современного подростка. Посредством моделирования ситуаций из реальной жизни школьник при помощи учителя хочет получать необходимый практический опыт разрешения сложных ситуаций. Так как в большинстве школ не предусмотрены курсы психологии, решение этой задачи может взять на себя предмет «литература». Во избежание нанесения возможного ущерба основному наполнению курса новые подходы к обучению могут быть апробированы на факультативных занятиях.

Произведения, предложенные в учебных программах по литературе, часто являются труднодоступными для восприятия школьников. Одной из причин может быть несоответствие материала возрасту учащихся. Таким образом, учителю при выборе программы по литературе необходимо исходить из индивидуальных особенностей каждого класса: учитывать уровень успеваемости и интересы подростков. Кроме того, необходима практика использования новых интерактивных форм подачи материала. Такими средствами может быть демонстрация документального кино, просмотр фильмов, основанных на сюжетах художественных произведений с дальнейшим обсуждением материала в классе; проведение творческих мастер-классов; организация тематических дебатов и прочее. Все это будет способствовать повышению интереса учащихся к предмету «литература».

Е.А. Кожевникова

Вятский государственный гуманитарный университет

Воспитание культуры чтения на примере творчества братьев Стругацких

Думать – это не развлечение, а обязанность.

А. и Б. Стругацкие

О чтении как о способе развития умственных способностей личности говорят давно. Мы знаем, что книга не только дает какие-либо знания, но также увеличивает словарный запас, развивает память и мышление, помогает общаться, является средством отдыха и пробуждает творческие способности.

Мы обратимся к одному из самых бурно развивающихся жанров – фантастике, в частности отечественной. В русской советской фантастике второй половины XX века были определённые достижения. Среди авторов, обращавшихся к жанру социально-философской и научной фантастики, выделяется писательский дуэт А. и Б. Стругацких. Творчество братьев пришлось на конец 1950-х – 1980-е гг.

В книгах Стругацких главным образом представлены космические (или иные) путешествия героев-землян на другие планеты, будь то Марс, Венера, Амальтея, Радуга, Саракш, и конфликты с новыми цивилизациями. Благодаря занимательному динамичному сюжету, ярким характеристикам и юмору повести и романы Стругацких интересны даже юным читателям и воспринимаются как увлекательное чтение для отдыха и развлечения.

Однако *развлекательность* – это явное, но не главное свойство прозы писательского дуэта. Из него вытекает следующее – *пробуждение фантазии читателя*. «Как литература эмоциональная, фантастика обладает свойством с максимальной силой воздействовать на воображение читателя» [3]. Человек не только погружается в удивительный мир иной реальности (экзотическая страна, параллельное измерение, другая планета) – он сам начинает включаться в творческий процесс: придумывает образы героев, стран, сочиняет продолжение книги. Произведения братьев стали образцом для молодых фантастов, которые пишут продолжения приключений героев Стругацких (литературный межавторский проект «Время учеников»). Так, например, В. Рыбаков в детстве зачитывался произведениями соавторов и сам стал известным писателем. В романах современного автора Д. Глуховского также заметен отпечаток стиля Стругацких. По мотивам повестей и романов писательского дуэта создаются киносценарии и компьютерные игры («Сталкер», «Обитаемый остров», «Трудно быть богом»).

Стругацкие считали, что лучшие образцы фантастики способны заставлять *думать и чувствовать*, они вводят читателя в круг актуальных и глубоких проблем, которые «выпадают из поля зрения иных видов художественной литературы» [3]: место человека в обществе и во вселенной, сущность и возможности разума, социальные и биологические перспективы человечества, взаимоотношения цивилизаций между собой и с природой и т.д. Исследовать эти проблемы литература может только путем построения неких социологических моделей и обобщений.

Оттого-то в произведения зрелых Стругацких мы часто встречаемся с многозначностью, глубиной и обобщённостью текста, насыщенного

аллюзиями, символами и подтекстом. Под «эзоповым языком» скрываются проблемы антагонизма добра и зла, насилия, вмешательства в развитие других цивилизаций, фашизма и сталинизма («Трудно быть богом», «Обитаемый остров»). Иногда нелегко отгадывать эти ребусы, «загнанную» в подтекст (от цензуры) критику современной жизни.

Многие педагоги отмечают, что в современной отечественной литературе отсутствуют произведения, способные стать культовыми, предложить привлекательного для современного подростка *героя*. Стругацкие предлагают такого героя. Он небезупречен, постоянно находится в поисках и размышлениях, искренне злится и бесится, если ему что-то не нравится. Герои Стругацких – «земные и грешные молодые романтики, бродяги и остряки» [1]. В своих произведениях авторы испытывают героев, устраивают своеобразные тесты на человечность, нравственную и интеллектуальную стойкость.

Так, например, интересен характер дона Руматы. Наблюдение за развитием иной цивилизации превращается в эксперимент над самим героем: он не может смотреть на несправедливость и жестокость, он берется за оружие, превращается в карающего бога. Конечно, он мог бы помочь народу Арканара, мог бы избавить его от горя и нищеты, но человек сам должен творить свою судьбу. «"Трудно быть богом" назвали авторы свою книгу. О, нет! Богом быть легко... Трудно быть человеком» [2].

В первую очередь писателей интересует человек, его душевный мир, внутренняя борьба и поиски истины. Именно благодаря А. и Б. Стругацким советская фантастика вышла на новый уровень: они принадлежат к тем немногим авторам, творчество которых, соединяя в себе занимательный динамичный сюжет и глубокие философские обобщения, вышло за рамки развлекательных жанров.

1. *Гаков В.* Хроники фантастического века // Фантастика века. М.: Полифакт, 1999. С. 327.
2. *Ревич В.* Перекресток утопий. М., 1998. С. 251.
3. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* О фантастике // Фантастика века. М.: Полифакт, 1999. С. 5.

Обучение реферированию на немецком языке в старших классах профильного уровня

Проблеме обучения реферированию в школе посвящено недостаточное количество публикаций, что свидетельствует о неразработанности данного вопроса. Между тем программа по иностранным языкам и ФГОС требуют от учащихся старших классов профильного уровня умения письменно реферировать иноязычные аутентичные тексты. Однако ни старшеклассники, ни студенты младших курсов, как показывает практика, не владеют данным видом компрессии текста.

Под реферированием мы понимаем интеллектуальный, творческий процесс, включающий аналитико-синтетическое преобразование информации, её краткое и обобщенное изложение и создание своего текста-реферата.

Реферат – это новый текст, построенный на основе смысловой компрессии первоисточника с целью передачи его главного содержания. Материал в реферате излагается с позиций автора исходного текста и не содержит никаких элементов интерпретации или оценки. Основными методическими принципами реферирования являются: адекватность, информативность, краткость и достоверность. Различают следующие типы рефератов: рефераты-резюме и рефераты-конспекты, монографические и обзорные рефераты.

Обучение реферированию в 11 классе следует начинать с информационной беседы, где учащиеся знакомятся с понятиями «реферирование» и «реферат» и имеют возможность сравнить предлагаемый им готовый реферат с текстом-оригиналом. Для обучения реферированию старшеклассников разработаны также памятка, представляющая собой опору для самостоятельного реферирования текстов учащимися, а также алгоритм действий, который помогает ученикам пошагово создавать реферат. Комплекс специальных упражнений, созданный для обучения

данному виду письменной работы, включает как языковые, так и условно-речевые и речевые упражнения, которые используются на трех этапах: предтекстовом, текстовом и послетекстовом.

Обучение реферированию строится на основе аутентичных публицистических и научно-популярных текстов, отражающих изучаемые в школе разговорные темы. Правильный подбор текстового материала при обучении реферированию играет немаловажную роль. При отборе текстов следует принимать во внимание их информационную ценность, логичность изложения, доступность для понимания и в то же время достаточную лингвистическую трудность.

Предлагаемая методика обучения реферированию прошла апробацию в 11^а классе школы № 21 г. Сыктывкара с углубленным изучением немецкого языка, которая подтвердила эффективность разработанного комплекса упражнений.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сведения об участниках

1. *Агишева Мария Викторовна*, студент 6 к. заочной формы обучения Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Ольга Анатольевна Бознак.

2. *Акулова Анна Павловна*, студент 4 к. Отделения русского языка и литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Анна Александровна Иванова.

3. *Армашенко Юлия Андреевна*, студент 2 к. (магистратура, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Екатерина Владимировна Прокуратова.

4. *Безносикова Анастасия Романовна*, студент 3 к. (бакалавриат, направление «Журналистика») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Алексей Александрович Бешкарев.

5. *Бровкина Татьяна Владимировна*, студент 2 к. (магистратура, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Татьяна Федоровна Волкова.

6. Венцовская Анастасия Михайловна, студент 4 к. (бакалавриат, направление «Журналистика») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Алексей Александрович Бешкарев.

7. Витязева Кристина Александровна, студент 2 к. (магистратура, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Татьяна Федоровна Волкова.

8. Габб Екатерина Александровна студент 4 к. (бакалавриат, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Татьяна Федоровна Волкова.

9. Грумеза Юрий Валерьевич, студент 5 к. (специальность «Французский язык» с дополнительной специальностью «Английский язык») Института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого и французского языков Юлия Юрьевна Барышникова.

10. Дементьева Антонина Александровна, аспирант кафедры русской и общей филологии Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Людмила Викторовна Гурленова.

11. Димова Юлия Витальевна, студент 2 к. (магистратура, направление «Журналистика») Вятского государственного гуманитарного университета. Научный руководитель: доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Елена Олеговна Галицких.

12. Ивина Евгения Сергеевна, студент 3 к. (бакалавриат, направление «Журналистика») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Ольга Владимировна Пыстина.

13. Исакова Влада Алексеевна, студент 2 к. (магистратура, направление «Журналистика») Вятского государственного гуманитарного университета. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Дмитрий Николаевич Черниговский.

14. Касеева Евгения Александровна, студент 3 к. (бакалавриат, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Юлия Николаевна Ильина.

15. Касумова Саина Несретуллаховна, студент 4 к. (бакалавриат, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Михаил Васильевич Мелихов.

16. Квачадзе Теона Гиаевна, студент 5 к. филологического факультета Вологодского государственного университета. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Сергей Александрович Громыко.

17. Клабукова Юлия Валерьевна, аспирант 2 к. филологического факультета Вятского государственного гуманитарного университета. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Ксения Станиславовна Лицарева.

18. Кожевникова Екатерина Андреевна, студент 2 к. (магистратура, направление «Педагогическое образование. Литературное образование») филологического факультета Вятского государственного гуманитарного университета. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Анатолий Евдокимович Ануфриев.

19. Конакова Ольга Сергеевна студент 4 к. (бакалавриат, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Татьяна Николаевна Бунчук.

20. Коробко Мария Александровна, аспирант 2 к. Орловского государственного университета. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Наталия Владимировна Кургузова.

21. Крюков Александр Александрович, аспирант 1 к. Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Наталия Геннадьевна Коптелова.

22. Куликова Екатерина Игоревна, студент 3 к. (бакалавриат, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Татьяна Федоровна Волкова.

23. Кучеренко Иван Ильич студент 2 к. (бакалавриат, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Татьяна Федоровна Волкова.

24. Леготина Юлия Вячеславовна, аспирант кафедры русской и общей филологии Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Татьяна Степановна Канева.

25. Липина Вероника Александровна, студент 3 к. (бакалавриат, направление «Журналистика») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Елена Александровна Шевченко.

26. Лихачева Анастасия Андреевна студент 3 к. (бакалавриат, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Ирина Арнольдовна Кобелева.

27. Логинова Светлана Валерьевна, студент 2 к. (бакалавриат, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Валентина Матвеевна Лудыкова.

28. Лыткина Ирина Сергеевна студент 4 к. (бакалавриат, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Татьяна Федоровна Волкова.

29. Мальцева Марина Владимировна, студент 1 к. (магистратура, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Татьяна Николаевна Бунчук.

30. Мануилова Анна Андреевна, студент 1 к. (магистратура, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Татьяна Федоровна Волкова.

31. Михеева Елена Александровна, студент 2 к. (магистратура, направление «Педагогическое образование. Литературное образование») филологического факультета Вятского государственного гуманитарного университета. Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент Дмитрий Николаевич Черниговский.

32. Моглибеева Наталия Игоревна, студент 5 к. (специальность «Журналистика») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Елена Александровна Шевченко.

33. Морозова Татьяна Николаевна, аспирант 2 к. Института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Наталья Васильевна Дранникова.

34. *Нерадовская Екатерина Андреевна* студент 3 к. (бакалавриат, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Татьяна Николаевна Бунчук.

35. *Парфенова Александра Андреевна*, аспирант 1 к. Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Татьяна Николаевна Дмитриева.

36. *Плоскова Наталья Сергеевна*, студент 5 к. (специальность «Журналистика») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Елена Александровна Шевченко.

37. *Плотникова Екатерина Дмитриевна*, студент 2 к. (направление «Филологическое обеспечение профессиональных коммуникаций») Института филологического образования и межкультурных коммуникаций Башкирского государственного педагогического университета им. Мифтахетдина Акмуллы. Научный руководитель: кандидат педагогических наук, доцент Лилия Ахметовна Утяшева.

38. *Попова Елена Александровна*, студент 4 к. (бакалавриат, направление «Педагогическое образование») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Ирина Серафимовна Урманчеева.

39. Разманова Ольга Андреевна, студент 3 к. (бакалавриат, направление «Журналистика») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Елена Александровна Шевченко.

40. Романова Полина Олеговна, студент 4 к. (бакалавриат, направление «Журналистика») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Ольга Владимировна Пыстина.

41. Сергеева Ксения Николаевна студент 3 к. (бакалавриат, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Татьяна Николаевна Бунчук.

42. Старцева Алена Николаевна, студент 4 к. (бакалавриат, направление «Педагогическое образование») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Ирина Серафимовна Урманчеева.

43. Торопова Алина Константиновна, студент 4 к. (бакалавриат, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Елена Александровна Рыжова.

44. Тубылевич Руслана Евгеньевна, студент 4 к. (бакалавриат, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Михаил Васильевич Мелихов.

45. Филиппова Александра Степановна, студент 2 к. (бакалавриат, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Валентина Матвеевна Лудыкова.

46. Фомина Екатерина Ивановна, студент 5 к. (специальность «Немецкий и английский языки») Института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат педагогических наук, доцент Эльвира Павловна Калинина.

47. Хайрова Анна Сергеевна, студент 3 к. (бакалавриат, направление «Журналистика») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Алексей Александрович Бешкарев.

48. Хатанзейская Лидия Ивановна, студент 2 к. (бакалавриат, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой финно-угорской филологии и национального образования Римма Павловна Попова.

49. Шабалина Ирина Александровна, студент 3 к. (бакалавриат, направление «Отечественная филология») Вятского государственного гуманитарного университета. Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент Анна Геннадьевна Маслова.

50. Шибанова Анна Николаевна, аспирант 1 к. филологического факультета Вятского государственного гуманитарного университета. Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент Дмитрий Николаевич Черниговский.

51. Ширяева Светлана Александровна студент 2 к. (бакалавриат, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Татьяна Николаевна Бунчук.

52. Шумахер Анна Сергеевна, студент 4 к. (бакалавриат, направление «Филология») Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Татьяна Николаевна Бунчук.

Научное издание

Слово и текст: актуальные проблемы современной филологии

Сборник материалов Всероссийской научной конференции
студентов и аспирантов (Сыктывкар, 17 апреля 2015 г.)

Редакционная коллегия:

Т.Н. Бунчук (отв. редактор), Е.А. Шевченко

Выполнено с использованием программы Microsoft Office Word

Системные требования:

ПК не ниже Pentium III; 256 Мб RAM; не менее 1,5 Гб на винчестере;
Windows XP с пакетом обновления 2 (SP2); Microsoft Office 2003 и выше;
видеокарта с памятью не менее 32 Мб; экран с разрешением не менее 1024 × 768
точек; 4-скоростной дисковод (CD-ROM) и выше; мышь.

Редактор Л.Н. Руденко. Корректор Н.А. Габова.

Техническое редактирование Т.В. Матвеевой.

Оформление обложки А.А. Ергаковой.

1,0 Мб. 1 компакт-диск, пластиковый бокс, вкладыш.

Подписано к использованию 26.06 2015 г. Тираж 30 экз.

Издательский центр ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»

167023. Сыктывкар, ул. Морозова, 25

Тел. (8212)31-16-93, 31-03-82.

E-mail: ipo@syktsu.ru

<http://www.syktsu.ru/>

Титул

Об издании

Производственно-технические
сведения

Содержание